

A romantic illustration of a man and a woman in a close embrace. The man, on the left, has short dark hair and wears glasses and a dark blue short-sleeved shirt. He is holding the woman's waist. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a red dress with a lace bodice. They are standing in front of a large window with red curtains, through which a snowy landscape is visible. The scene is lit with warm, reddish-pink light, creating a romantic atmosphere. The background shows a bookshelf filled with books.

ДИАНА
СОУЛ

ИЛЛЮЗИЯ ГРЕХА
РАЗБИТЫЕ ГРЕЗЫ

Иллюзия греха

Диана Соул

Иллюзия греха. Разбитые грёзы

«Автор»

2018

Соул Д.

Иллюзия греха. Разбитые грёзы / Д. Соул — «Автор»,
2018 — (Иллюзия греха)

Мир изменился. Теперь суккубы не предмет охоты безумной инквизиции – а дорогие игрушки для развлечения избранных. Города лежат в руинах, но Квартал удовольствий по прежнему процветает, предлагая богачам новый вид развлечений – ночь иллюзий с девственницей-куртизанкой... Я – Лорейн Кристалл Фокс, и только я могу вытащить свою сестру из Квартала. И если для этого мне придется соблазнить неприступного канцлера Деймона Сакса, выкрасть секретные документы и разрушить проклятую систему, я не отступлюсь.

© Соул Д., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Диана Соул	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Диана Соул

Иллюзия греха. Разбитые грёзы

Пролог

Малышка разрывалась от плача, а я бежала по лесу, кутая ее в тонкое одеяльце и прижимая к себе как можно ближе.

Милая, прошу, тише! Иначе нас услышат...

Деревья мелькали, сливаясь в сплошную пелену, а холодный туман пробирал до костей, но я неслась из последних сил в сторону дороги. Задыхалась, но не могла позволить себе передышку.

Это конец. Смерть для меня, гибель для крошки.

Ноги утопали в грязи полурастаявшего мартовского снега. А я не считала, сколько раз упала на колени или всем телом. Все, о чем могла думать, только как удержать в руках новорожденную.

От бесконечной тряски малышка притихла, но я не обманывалась. Крохотное чудо хотело есть. Требовало свою первую в жизни еду, а мне нечего ей дать. У меня попросту нет молока. Но это сейчас меньшая из проблем.

Лишь бы мне успеть оторваться от преследования, пока она приумолкла, а дальше я что-нибудь придумаю.

Где-то позади раздались выстрелы и лай собак. Я упала в очередной раз, разодрав до крови щеку так некстати подвернувшейся веткой. Немного задело и кроху, она дернулась и вновь залилась плачем. Таким надрывным, что каждый звук рвал мне душу на части.

При попытке подняться в голени что-то предательски щелкнуло. Я взвыла от пронзающей боли и закусила нижнюю губу. Солёный вкус собственной крови отрезвил не хуже ледяного душа.

Нельзя останавливаться, только вперед, любыми способами, даже если придется грызть зубами землю.

Лай собак за спиной усилился. Эти сволочи травили нас, словно волков на охоте, и не собирались отпускать.

Им плевать было на меня, им нужна кроха. Маленькое новорожденное чудо.

– Тише, милая... – я не узнала собственного голоса, а сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Легкие раздирало от холодного воздуха, а ком из страха и слез стоял в горле. Именно сквозь него я пыталась петь колыбельную, чтобы девочка хоть немного успокоилась. Моя маленькая крошка.

– За печ-кою... по-ет... свер-чок... – дыхание сбивалось и каждое слово давалось с трудом. – Не плачь, уго-мо-нись, дру-жок. Глянь, за ок-ном... мо-роз-ная. Свет-лая ноч-ка... звездная... Я снова упала и поднялась.

– Что ж, если нету... хлебу-шка...

Песня подгоняла меня, как труба солдат во время боя.

– Глянь-ка на чис-то не-буш-ко... Ви-дишь, си-я-ют звез-до-чки... – голос хрипел и срывался. – Ме-сяц... плы-вет на ло-до-чке.... Слова всхлипами боли слетали с губ, но я ковыляла дальше, спешила, сама не знаю куда, цеплялась за ветки и проламывалась сквозь сучья. Изредка приваливалась спиной к деревьям, чтобы хоть на мгновение обрести опору. В обуви было полно воды, а одежда давно намочила от снега, но холода я уже не ощущала.

Я могла лишь продолжать прижимать ребенка теснее, чтобы она не мерзла.

Она сейчас самое главное.

Впереди забрезжил свет, похожий на отблески фар.

Дорога!

Я не знала, есть ли там спасение, но и повернуть назад не могла. Позади точно нет будущего.

Из последних сил я рванула навстречу призрачному шансу, подволакивая негнущуюся ногу и лишь усилием воли заставляя себя не орать от боли при опоре на нее.

Все, что у меня сейчас осталось – это колыбельная, за которую я цеплялась, как за гимн надежде, и малышка на руках.

Лес кончился. Грунтовая дорога длинной, размытой колеей уходила вдаль. Вот только куда бежать теперь?

Взгляд метался в поисках шанса на спасение. Где же тот чертов свет, который я видела?

Фары зажглись неожиданно, слепя яркими лучами прямо в глаза. Я зажмурилась и не смогла даже прикрыться руками, иначе бы точно выпустила из них кроху.

Взревел двигатель. Так знакомо, что сердце на миг пропустило удар. Шины зашуршали о мелкие камни грунтошки, и раздался звук тормозов, когда черный олд-ройс затормозил в двух шагах от меня.

Сакс – мой спаситель и враг, волей судьбы оказавшийся по одну сторону баррикад.

Моя больная галлюцинация.

Боковая дверь распахнулась рывком.

Деймон выглядел напряженно и собранно, он внимательно вглядывался в темноту простирающегося за мной леса, так же, как и я, слышал лай собак и голоса людей.

– Чего же ты ждешь, Ло? Садись! – крикнул он, торопя меня, и, едва я взобралась на сиденье, ударил по газам.

Глава 1

Не знаю, сколько прошло времени, но вода в ванной уже успела остыть, а сил, чтобы открыть кран заново, не нашлось.

Холод отрезвлял и приглушал боль, по крайней мере, физическую. Из-за него она перебывалась другим, более ярким ощущением крови, готовой заледенеть в жилах.

Было очень холодно. Я дрожала, не попадая зуб на зуб, уже не плакала, потому что слез не осталось, но и выходить из ванной не собиралась. Лишь более плотно оборачивалась в мокрое покрывало и цеплялась за него, как за последний оплот спокойствия.

Потому что стоит только подняться и обратно войти в комнату, как кошмар вернется.

И пускай Сакс ушел, ощущение того, что он где-то рядом, не покидало до сих пор. Так же, как и осознание – рано или поздно мне придется выйти отсюда. Взглянуть в глаза всем тем, кто провожал липкими взглядами, когда уходила за этим подонком после проигрыша.

Все эти люди внизу будут знать, чем мы здесь занимались. Все!

Они станут свидетелями моего поражения и позора. А ведь Сильвия еще вчера предупреждала о подобном, и почему я ее не послушала?

Ответ пришел сам. Потому что была самоуверенной и самонадеянной дурой... Суккуба, поверившая в свое всеисилие, вот только Сакс оказался хитрее... и сильнее.

Сейчас даже упавшая люстра казалась мне знаком судьбы. Что, если призрак матери был реален и таким образом пытался заставить меня остановиться?

Я горько усмехнулась и, сквозь вновь надвигающуюся волну истерики, спросила у пустоты:

– Что же ты, мамочка, не остановила его? Почему не обрушила потолок ему на голову?

Ответа не последовало..

– Да кому я это все говорю... Тебя ведь никогда не было со мной, мамочка. Даже сейчас ты молчишь. Ну и молчи дальше, либо дай хоть какой-нибудь знак, что ты существуешь.

И снова тишина. Логичная и беспощадная.

Интересно, а на что я рассчитывала, на гром и молнии?

Словно в ответ на мои мысли, из глубины комнаты раздался стук.

Я вздрогнула и вжалась в фарфоровый борт ванны.

Потому что стучали не в дверь... такой дребезжащий звон характерен для ударов по стеклу.

Звук стих, и я перевела дух, надеясь, что мне все же показалось. Через мгновение стук повторился. Кто-то барабанил в окно. А потом еще и еще.

Я растерянно подтянула покрывало, до конца не понимая, что происходит. Все же в призраков я не верила, даже если это призрак матери.

– Поздно бояться, Ло, всё, что ты могла потерять, ты уже сегодня потеряла, – с этой мыслью я поднялась в полный рост и на негнувшихся ногах вышла из ванной комнаты.

Стучали действительно в окно.

За плотно задернутыми шторами я плохо различала силуэт стоящего на карнизе. Мне было даже нечем вооружиться. Единственную вазу, способную служить оружием, я разбила о стену. Перешагнув через ее осколки, двинулась к окну, там резко одернула занавеси и ахнула: с другой стороны стояла Лиза. Босиком на карнизе, в вечернем платье, закатанном выше колен, чтобы удобнее двигаться.

Одними губами она прошептала:

– Открой.

Всё ещё преодолевая боль внизу живота и кутаясь в тяжелую от воды и капающую накидку, я дернула задвижки и распахнула рамы. Лиза, словно только этого и ждавшая, спрыгнула в комнату.

Она не требовала от меня объяснений. Все и так было понятно по моему внешнему виду. Лизабет стащила с меня мокрое покрывало и потянула за руку обратно в ванную. Голую и совершенно беззащитную. Там затолкала под горячие струи воды и долго поливала, убеждаясь, что я начинаю отогреваться.

Она действовала быстро и решительно, а я не узнавала собственную сестру. Сейчас она казалась непривычно уверенной, гораздо более собранной, чем я.

Я привыкла помнить ее мягкой, а не такой: подобной стали и камню.

– Как ты здесь оказалась? – почему-то ответ на этот вопрос казался сейчас очень-очень важным.

Сестра выключила душ, подала мне полотенце со стены и ответила, всё также заикаясь, как раньше:

– Ты с-сама в-видела, через окно по карнизу. Меня поселили в с-соседней комнате, – в ее зрачках при взгляде на меня читалась боль.

Она никак не комментировала произошедшее. А что тут еще скажешь? Всё и так понятно.

– Зачем ты пришла? Это же опасно! Ты могла упасть.

Надо же. Даже сейчас я продолжала беспокоиться о ней, а при мысли, что Лиза крадась по карнизам ко мне на высоте четырех-пяти метров, становилось неудобно. Она же могла сорваться.

– Не м-могла. Я уже сто р-раз такое проделыв-вала. Мне нужно б-было ув-в-видеть тебя, – ее взгляд опустился в пол. – Прости, что мне не уд-д-далось тебя остановить. Прости... Я в-в-ведь знала, что ничем хо-хо-хорошим это не з-з-закончи...

Она осеклась на полуслове, дернулась, словно от разряда электрического тока, и зашипела от боли, оттягивая золотой ошейник от кожи.

– Греется, зар-ра-за, – сквозь зубы произнесла она, а я увидела красный след от ожога в месте, где металл касался тела. – Предупреждает, чтобы не болтала лишнего.

Значит, вот как это работает? Обронишь лишнее слово и боль в качестве сигнала заткнется.

– Ты ведь целовала Сакса, – догадалась я, – и теперь знаешь, что у него в голове и все его секреты, но не можешь сказать.

Лиза просто смотрела. Даже кивок с ее стороны мог бы обернуться болью, но я и без слов все понимала. Почему-то меня начал душить смех.

Громкий, грудной, со всхлипами на отдельные слова.

– Его поцеловала суккуба! Ты... Ах... Поцеловала, но не та! Какая превратность... А мною побрезговал!

Наверное, я еще долго могла бы так хохотать, обнимая себя руками и яростно впиваясь в предплечья ногтями, если бы не оплеуха.

Лиза с размаху зарядила мне по щеке, разом остужая весь пыл и останавливая истерику. Схватила меня за плечи и резко потрянула:

– Заткнись! – прорычала она, глядя в лицо и словно гипнотизируя взглядом. Сестра и сама сейчас была клубком оголенных нервов. Только если я себя абсолютно не контролировала, то она была воплощением собранности. – Ты немедленно же успокоишься! Выйдешь из ванной, оденешься, нацепишь на лицо самое сильное и независимое выражение, на которое только способна. А потом покинешь комнату как победительница! Неважно, что произошло здесь между тобой и Саксом. Важно другое! Все гости внизу наслаждались твоим проигрышем, они уже упивались им. Но никто из них не понял, что здесь произошло потом.

Потому что даже сейчас, Сакс до сих пор в доме. Слышишь, Лора! Он не ушел! И не уехал. Он выскочил из этой спальни, сказал, что убьет любого, кто сюда сунется, и теперь методично надирается виски! Все видят его разбитые руки, кровь на губе и трещины в очках! Все строят догадки: был у вас секс или он убил тебя в порыве гнева, когда ты не стала отдавать выигрыш! Поэтому соберись. Еще ничего не закончилось. И ситуацию даже сейчас можно перевернуть в свою пользу. Твоя война продолжается, Ло, не проиграй эту битву до конца!

– Но у меня ведь больше нет дара?

– К чертям дар! Без него живут миллионы женщин. Артур рассказывал мне о Флоре, она ведь каким-то образом собиралась выполнять это же задание. Значит и ты сможешь!

Она вдруг осеклась и выпустила меня из рук, так же резко как и схватила, я же медленно переваривала смысл ее слов, но доходило до меня совершенно иное:

– Ты не заикаешься... – пораженно выдохнула я, потому что всю эту боевую речь Лиза выпалила на одном дыхании, ни разу не сбившись. – И когда ты встречалась с Артуром?

Я придиричиво осмотрела сестру новым взглядом. На сей раз она не хваталась за шею, а значит, ошейник не имел ничего против озвучивания этой тайны клиента. Или не клиента? Если бы Франц рассказал ей о Флоре в первую встречу, Лиза бы уже свалилась замертво, нарушив случайно оброненной фразой пункт о конфиденциальности.

Догадка острой иглой пронзила самое сердце.

Артур ведь хотел встретиться с Лизой ещё раз поговорить и возможно поцеловать. На любом другом вечере, где она будет нанята в качестве эскорта. У Франца не было бы ограничений, который накладывал договор Квартала, а значит, и Лизу бы они не связывали.

– Атриум... – пораженно выдохнула я.

Все встало на свои места. Все, кроме одного... Артур не мог переспать с Лизой. Ведь не мог же? Не стал бы...

– Это было невозможно контролировать, – тихо произнесла Лиза, словно оправдываясь передо мной. – Подобно спичке, поднесенной к пороху. Взрывная волна. Цунами, которое накрывает и сносит все на своем пути... Как и рассказывала мама. Настоящая любовь.

– Этого не может быть... – я схватилась за голову, сжала виски ладонями и вновь сползла на пол. Мысли вихрем проносились в сознании, и сотни чувств раздирали изнутри.

Если я думала, что больно мне сделал Сакс, то я ошибалась.

Больно мне было сейчас. От всего, что навалилось разом.

Артур влюбился в Лизу. У меня под самым носом и переспал с ней. Скрывался и тайлся, зная всю мою возможную реакцию. Чего он хотел добиться этим?

Уберечь меня? Оградить? Когда собирался посвятить меня в происходящее?

Возможно бы и рассказал, если бы я не приперлась к нему той ночью пьяная и голая...

Я подняла взгляд на Лизу, но слезы застилали обзор.

Вот она стоит передо мной, суккуба из Квартала, над которой шесть лет висела угроза потери дара. Которую я жалела и мечтала спасти.

Но сейчас она влюблена, беременна и, наверное, даже счастлива от чувств к Артуру, несмотря на то, что ее держат в золотой клетке. Она, в отличие от меня, выиграла эту партию.

А я разбита, разломана на части, и, несмотря на иллюзию свободы, потеряла все.

Завидовала ли я ей?

Да.

Настолько сильно, что эта зависть пугала и заставляла ужаснуться. Я не имела права испытывать к Лизе подобные чувства, потому что она моя сестра, и не она виновата в моей глупости и проигрыше Саксу. Не ей и расплачиваться за мои грехи.

– Значит, вот о каких проблемах говорил Артур, уезжая из Столицы, – мой взгляд опустился на низ ее живота. Лиза накрыла его руками. Нежно так, тепло и трепетно. Мое сердце

защемило, словно тисками. – Вот почему торопил с выполнением задания, вот почему вопреки всем правилам и планам решил искать способы твоего спасения...

– Он обещал найти артефактора, который создавал ошейники, – произнесла она, садясь со мной рядом, кладя руки на мои ладони и убирая их от висков. – Именно он, как незримый поводок, удерживает суккубов в Квартале.

– А контракт?

– В нем только условие о девственности, которой у меня теперь нет, и требование не раскрывать тайны клиентов. А с этим, поверь, я справлюсь. За шесть лет я научилась очень хорошо молчать.

Вот кого надо было брать в разведчики. Ее, а не меня. Она бы не провалилась так бездарно.

– Сколько у нас осталось времени?

Я вдруг отчетливо поняла, что года на освобождение сестры у меня больше нет. Несколько месяцев, до тех пор пока не начнет расти живот. Может, чуть дольше.

– Месяца т-три, пока с-с-могу скрывать, – ее заикание вновь вернулось. И несмотря на то, что интонации казались уверенными, я поняла. Лиза волнуется. И боится. Очень боится, вопреки напускному спокойствию снаружи.

И все же, я поразились ее стойкости. Продержаться столько лет в Квартале и не сломаться. Почему-то мне всегда казалось, что я стану ее спасательным канатом, за который она будет хвататься, когда я вытащу ее на свободу. Спасу, научу жить без гнета Квартала. Позабочусь, чтобы впредь все было хорошо.

По всему выходило, что Лиза и без моего участия прекрасно справлялась, более того. Сейчас именно она была спасательным кругом, за который должна была цепляться я.

Моя сестра пришла мне на помощь, чтобы вытащить из пучины отчаяния, в которой утопил Сакс. Пришла заставить меня собраться с духом и дать новую цель.

Если честно, плевать я теперь хотела на всю разведку Арсамаза, любые задания по соблазнению канцлера и выуживанию секретных сведений из его головы.

Я не смогла справиться с этим с даром, и вряд ли сумею без него.

При мысли о том, чтобы просто приблизиться к Саксу даже на несколько метров, меня начинало колотить.

Важно сейчас было другое.

Лиза и ее будущий ребенок. Маленькая суккубочка под ее сердцем. Они мое новое задание, а не взлом тайн озабоченного сына узурпатора.

Гори огнем весь Панем, если я подведу Лизу...

– Мы вытащим тебя, обещаю, – глядя ей в глаза, прошептала я. – Мне только одно непонятно. Как же это произошло? Хваленый разведчик, лучший из лучших. Менталист. На Артура ведь никогда не действовала иллюзия суккубов, почему он поддался чувствам, поставил под угрозу все, над чем работал долгие годы?

Это не укладывалось у меня голове. Франц всегда выверял каждый свой шаг, продумывал, просчитывал. И все равно налажал.

Он, а не я.

Лиза опустила взгляд в пол, и щеки сестры заалели. Ее первый раз был явно более романтическим, чем мой...

– Он сказал, что хочет меня поцеловать и приоткроет для меня немного свой разум, чтобы я увидела правду о том, что он не врет. А дальше я плохо помню... Чистый инстинкт. Разум вернулся, только когда все закончилось... – она подняла лицо на меня, увидела напряжение в моем теле, и осеклась. – Прости, Ло. Я не буду больше при тебе говорить об этом.

– Ничего, – с трудом ответила ей. – Я сама завела эту тему. Впрочем, можешь не продолжать. Все и так понятно.

В памяти дословно всплыла фраза Артура, произнесенная тем вечером:

“Ты – суккуба, и когда встретишь того самого, в кого влюбишься по-настоящему, тебя потянет к нему с непреодолимой силой. Тогда-то и поймешь, как сильно ошибалась на мой счёт. Поверь, эти чувства нельзя перепутать ни с чем.”

Злое пророчество, которому теперь не суждено сбыться. Франц знал, о чем говорил, потому что прошел через это. А я? Я действительно поняла, как сильно ошибалась безоговорочно доверяя Артуру и подчиняясь во всем...

В следующие полчаса Лиза помогала мне одеться и приводить себя в порядок. В ее крошечной сумочке нашлось немного косметики. Она умело замаскировала следы от недавней истерики, чтобы глаза не казались слишком опухшими. Подвела веки, припудрила нос, накрасила губы нежно-розовой помадой. Красной, как оказалось, она никогда не пользовалась.

– И запомни, – продолжала инструктировать меня Лиз. – Не показывай им свои слабости. Все только этого и ждут. Помни, что любое поражение можно обратить в победу.

Она заколола мне волосы узлом и очень аккуратно водрузила на голову шляпку.

– Спасибо, – пробормотала я и не в силах больше сдерживаться, обняла ее. Прижала, как можно крепче.

Теперь Лиза – мой островок спасения в этом мире. Константа, за которую я буду цепляться.

– Мне пора, – она мягко выпуталась из объятий и шагнула в сторону окна.

Взобралась на подоконник и, улыбнувшись на прощание, перешагнула через парапет. Я бросилась к оконной раме, дабы убедиться, что с ней все в порядке. Лиза, как гибкая кошка на мягких лапах, успешно миновала несколько метров до окна соседней спальни и юркнула внутрь. Только после этого на душе у меня немного полегчало.

Долгие минуты затем я простояла у выхода из комнаты, гипнотизируя взглядом замок, прежде чем дотронуться до него и открыть. Потом собиралась с духом, а затем прикрыла глаза, досчитала до трех, и нажала на холодный металл кованой ручки.

Дверь длинно скрипнула, распахиваясь во всю ширь, и я сделала шаг вперед. Но самое главное было другое.

Я улыбалась.

Глава 2

/Деймон Сакс/

Многие годы я потратил на то, чтобы выковать свой новый облик. Уверенный, нерушимый, без слабостей.

Личность, равнодушную ко всему, но наблюдавшую за всеми.

Меня считали подонком, злодеем, пауком, сидящим в центре политической паутины и дёргающим нужные нити. Прислушивающимся к любым, даже мимолетным вибрациям, анализирующим все и вся, просчитывающим любые шаги наперед.

Я был достойным учеником и преемником генерала Сакса. Таким же чудовищем! За это меня боялись и ненавидели.

Вот только всегда есть кто-то лучше. Тот, кто сейчас обвел меня вокруг пальца. Заставил заглотить наживку, поверить в небылицу и оступиться.

С глаз словно шторы сняли, когда я вышел из комнаты, где только что изнасиловал... именно так. Я, конченный сукин сын, который изнасиловал девственницу. Чем я думал в этот момент? Где была голова, когда творил все это с Аmandой?

Я не думал. Вообще, не думал.

Гнев, злость и похоть – вот, что мною руководило. А ещё жажда вдохнуть умопомрачительный запах этой девушки. Различить ее настоящий аромат за нотами неведомого парфюма, втянуть его полной грудью и не потерять от этого голову окончательно

Что я хотел сделать с Аmandой? Растоптать, раздавить, уничтожить?

Вот именно это я и сотворил. Собственными руками. И теперь ненавидел себя за это.

Сбитые костяшки пальцев ныли, но эта боль ничто по сравнению с той, что сейчас чувствовала она.

Я сел на пол. Прямо здесь, в коридоре, откинул голову назад, опираясь затылком о холодную стену. Слышал, как Амaнда тихонечко воет там за дверью. Плач болезненный и разрывающий меня на части. Потому что в нем повинен только я.

Именно я, а не тот, кто присылал мне анонимки, подкидывал ложные сведения о невинной девушке. Даже шифровки с Юга и те оказались ложью. А значит, определенно либо там, либо здесь в столице есть те, кто скармливал мне эти данные. Одно непонятно, на кой черт им было порочить мисс Харрисон? Вот только ответ на этот вопрос я буду искать потом. Сейчас нужно было подумать, как всё исправить.

– Да ни черта ты не исправишь, – прошипел сам себе, и несколько раз с силой приложился затылком о стену. – Разве что, пулю в лоб пустить. Ей, наверняка, теперь от этого станет немного легче.

Станет, но не надолго. Потому что я помнил, какими взглядами ее провожали, когда, проиграв, Амaнда уходила за мной.

Ее сожрут! Морально! Доломают то, что не сломал я.

Я поднялся на ноги, подхватил трость и направился к лестнице на первый этаж. Впервые за долгие годы мне хотелось сбежать. Трусливо и не оглядываясь, потому что понимал, рано или поздно Амaнда спустится и мне придется взглянуть ей в глаза. Но уехать и оставить ее одну на растерзание злым шавкам-сплетницам я не мог.

Первый удар приму на себя. Если в случившемся виноват я, мне и отбиваться.

Когда вышел в зал, здесь все еще играли в покер, но что-то тут же неуловимо изменилось. Взглядов на мне стало больше.

Шакалы.

Всюду переглядывания и перешептывания! Что ж, стоит заметить, пища для размышлений у них теперь появилась знатная. У меня наверняка тот еще видок.

Разбитые очки, губы, кулаки.

Интересно, сколько из них сейчас решит, что я убил Аманду? Я поймал на себе особенно испуганный взгляд Сильвии, она дернулась в мою сторону, явно намереваясь о чем-то спросить, но тут же осадил ее и всех вместе взятых:

– Кто сунется в гостевое крыло, лично убью! – а после без лишних уточнений уверенно прошел к подобию бара, где разливали виски.

Зачем я это делал? Да хер его знает. Наверное боялся, что все же сбегу! Сяду в машину и уеду в город, потому что от осознания того, что она там одна наверху – разбитая и уничтоженная мною, внутри вскипала ненависть к самому себе и страх. Глубокий страх того, что стал таким же чудовищем, как и генерал Сакс!

Все, к чему я стремился, это стать лучше, не повторять его ошибок, но вот – кажется уверенно иду по его стопам. Только он избивал меня, а я стал насильником!

Видел же, как она боялась. Истинный страх в глазах, но все равно не остановился. Сам себя убедил в ее притворстве, сам себя оправдал и сам ей вынес приговор. Уничтожив тем самым, то единственно прекрасное, что могло произойти в моей жизни.

Виски со льдом обжег горло.

А ведь я ей нравился. До всего произошедшего. Она пыталась сама сделать искренние первые шаги. Пришла в бюро, звала на ужин, получила отказ, но даже после этого не сдалась.

Затуманенный взгляд вновь выловил в толпе Сильвию. Девушка волновалась, нервно сцепляя руки, и нервничала. Косилась на лестницу, и явно хотела бы подняться. Вот только побаивалась!

Трусиха! А ведь, умирай сейчас наверху девчонка, никто бы даже не дернулся ей помочь! Побоялись бы меня послушаться!

Через час ко мне подошел лорд Сортон, глава пограничной дирекции и член совета. Весьма аккуратно и с полной осторожностью поинтересовался, можно ли отправить в одну из гостевых нанятую им на сегодня суккубу. Мол, время позднее. А девушка, исключительно для эскорта на вечер, по контракту этой ночью бодрствовать была не обязана. Я мимолетно взглянул на переминавшуюся за спиной Сортон Лизабет Фокс и, пальцы сами сжались с такой силой, что бокал с односолодовым виски треснул в руках, впиваясь осколками в кожу. Потому, что в глазах девушки читалась немыслимая боль, сходная с той, что видел в глазах Аманды. Сходная, но не точно такая же. Словно Лиза была птицей со связанными крыльями, но отпусти, и через время она воспрянет и улетит, а вот Аманде ее крылья я сломал. Причем выламывал каждую косточку с особой тщательностью, специально стараясь причинить как можно больше боли.

– Пусть идет куда хочет, – бросил я и усмехнулся от ненависти к самому себе. Лизабет ведь знает, что сейчас в моей голове и наверняка понимает, что сотворил...

И я отвел от нее взгляд, стыдясь себя и собственного поступка, опустил глаза на свою руку в потеках крови и виски, видел, как они смешиваются между собой, но ничего не предпринимал. Никакого самолечения. Любая боль сейчас мое наказание.

Сортон ушел, ушла и Лизабет.

Будет забавно, если ее поселят в одной из комнат со злосчастными лепестками роз.

Чертовы цветы! А ведь именно факт их наличия разозлил меня больше всего! Потому что этот позерский жест от расчетливой стервы Харрисон казался мне изысканным издевательством, а на деле вышло – что Аманда действительно попросила подругу сделать что-то романтическое!

Проклятье! Я разрушил все!

Каким же я был идиотом, если не понял этого раньше. Все мои чувства указывали на то, что девчонка мне не врала, я же поверил фактам, которые и не факты вовсе.

Найду гниду, сфабриковавшую шифровку – сгною в камере.

Мне принесли новый бокал, и я продолжил методично нажираться, заливая в себя новые порции, не обращая внимания на крепость напитка.

Музыка продолжала играть и все так же бесила. Карточные партии не прекращались. Казалось, все вокруг стали забывать с чего начался сегодняшний вечер, вот только я не обманывался. Шакалы все помнят, а главное, ждут. Если понадобится, будут ждать до утра. Лишь бы увидеть, как спустится Аманда: ее поражение, и что буду делать я, когда это произойдет.

Я же и сам этого не знал, но как же мне хотелось повернуть время вспять и все исправить! Вот только разбитую вазу уже не склеить! И даже новой не заменить! Можно лишь с сожалением разглядывать острые осколки, когда-то составлявшие красивый узор..

В какой-то момент подошел Крастор, он крайне дружелюбно спросил, не желаю ли я остаться этой ночью в одной из гостевых спален, пытаюсь убедить, что в таком состоянии заруль нельзя.

Я же и без него это прекрасно понимал.

– Не останусь!

Да, я был пьян, но ум мыслил даже лучше и трезвее, чем обычно. В этом доме кругом враги, не исключено, что именно сейчас в каких-то десяти метрах находятся те, кто заварил эту кашу, и теперь ждут подходящего момента для второго удара. Поэтому остаться здесь? Никогда.

– Крастор, позвоните в мой столичный дом. Трубку поднимет дворецкий, объясните ему ситуацию. Он знает, что делать!

Черта с два Ричард знал, но я был уверен, что преданный слуга сообразит, как поступить! Взять второй автомобиль из гаража и приехать сюда, за мной.

Внезапно музыка стихла. Либо мне показалось, что она стихла. Потому что на мгновение мир затих и замер.

Мой взгляд был прикован к лестнице, по которой спускалась она.

Ослепительная до смертоносности, словно солнце в пустыне, и улыбающаяся оскалом хищной львицы. Аманда Харрисон спускалась с видом победительницы, шла твердой поступью, а об ее идеально ровную осанку мог бы разбиться айсберг. Непрогибаемая, несмотря ни на что.

К ней тут же подлетела Сильвия, спросила о чем-то, но до меня не донеслось даже обрывка фразы. Юная мисс Тамми почему-то махнула рукой в мою сторону, явно указывая Аманде, где я нахожусь. И она посмотрела, так уничтожающе, взглядом острым, словно разбитая кромка хрусталя. Я отвел глаза.

Не смог найти в себе силы взглянуть на девушку после всего случившегося.

Слабак. И теперь об этом будут знать все. Потому что сильный никогда бы не поступил с женщиной так, как поступил я.

Еще никогда в жизни я так открыто не обнажал перед всеми свои слабости, как сегодня. И делал это специально, чтобы дать собравшимся шакалам пищу для размышлений гораздо более вкусную, чем разбитая и униженная Аманда. Но она, похоже, не нуждалась в моей помощи. Прекрасно справлялась сама, я же продолжал заливать муки совести алкоголем. Потому что стоило мне вновь увидеть девушку, как сердце в груди болезненно сжималось от воспоминаний о том, что сотворил.

Вот что мне мешало потребовать у нее в качестве выигрыша исчезнуть из моей жизни раз и навсегда? Оставить ее в комнате одну, а самому собраться и уехать в Столицу.

Думаю, оценивая все перспективы, Аманда выбрала бы именно этот вариант.

И все же, параллельно со всеми этими вопросами, меня не покидал и другой: зачем она села за стол? На что рассчитывала, выдвигая ответное требование ночи?

Между мной и ею не было ничего, что давало бы повод добровольно отдаться мне, да ещё и на кровати, устланной розами. Возможно были симпатии, но у нас даже поцелуев не было.

Так почему она сразу потребовала ночь?..

Теперь я видел ситуацию так, будто Аманда, являясь дочерью богатого предпринимателя, решила повыгоднее вложить свою девственность в ночь со мной. Вот только опять же не укладывались в картину лепестки роз и ее страх от любого намека на близость. Потому что, если бы это было ее взвешенным решением, реагировала бы Аманда совершенно иначе!

Или решила, что я лучший кандидат на роль ее первого мужчины?

Я горько усмехнулся и залил в себя очередную порцию виски.

Ты ошиблась с выбором, девочка! Или я в очередной раз ошибся с выводами. Потому, что в единую логически связанную цепочку все факты никак не желали складываться.

К Аманде тем временем подходили все новые люди. В итоге, она оказалась облепленной подружками Сильвии, которые теперь отгоняли от нее всех подслушивающих подальше, чтобы первыми разжиться последними сплетнями. Они ее расспрашивали, причем так громко, что тонкие и визгливые голоса слышал даже я.

– Мы так испугались за тебя, душечка! – самой активно “напуганной” была Клара. Змея подкодная, первая слившая мне информацию о якобы “распутном поведении мисс Харрисон”, но с ней я разберусь. Обязательно, правда, позже. Когда сам лучше осознаю ситуацию и протрезвею. – Господин Сакс вышел из комнаты таким злым. С окровавленными руками. Я предлагала вызвать полицию...

Вот двуличная сука! Хотя, они здесь все такие. Ни от кого кроме Сильвии не было даже порыва помочь Аманде. Ни. От. Кого!

Впрочем, Аманда это тоже понимала. Клара заработала весьма уничтожительный взгляд и крайне сдержанный ответ:

– Зачем полицию? Ведь не произошло ничего страшного.

– Как же? – всплеснула руками Клара. – Но его руки, разбитые губы. Твой жених определенно поднял на тебя руку и это нельзя оставлять безнаказанным!

Аманда удивленно вскинула бровь и, опасно сощурившись, переспросила:

– По мне похоже, что на меня кто-то поднял руку?

– Нет.

– Вот и не придумывайте того, чего не было.

– А что тогда было? – не унималась свита Сильвии, засыпая вопросами Аманду. – Вы поругались? В газете писали, что вы пара. Так вы расстались? И что, свадьбы теперь не будет?

Было видно, как все это жужжание раздражает Аманду. Я смотрел на то, как ее руки сжимаются в кулаки, а после все же нашел силы встретиться с ней взглядом. Глядя в упор на меня, девушка ответила им:

– Почему же не будет? Мы просто не сошлись в обсуждении фасона свадебного платья и цветов для букета невесты. Наши мнения в этом вопросе весьма расходятся. Я предпочитаю белые розы, а он настаивал на красных.

Я подавился виски.

Жених, значит! С фасоном платья не согласился? Она серьезно? Да кто в это поверит?

Но судя по лицам присутствующих, вполне себе верили, потому что избитой девушка не выглядела, вид имела гордый, несломленный и весьма довольный жизнью.

Я же выглядел последним идиотом, нажравшимся без особых причин.

Вот только Аманда могла обмануть кого угодно, кроме меня. Потому что я видел, как она едва заметно поджимает губы от физической боли при каждом шаге. И я помнил, кто причинял ей эту боль. Меня не смогут ввести в заблуждение толстый слой косметики на ее лице, потому что белки глаз до сих пор красные от слез, а в ушах продолжает стоять ее вой раненой волчицы, от которого чуть не поседел, сидя под дверью.

Просто она, в отличие от меня, держалась. Сумела сохранить лицо, и отлично выпутывалась из ситуации.

Хорош же из меня будущий канцлер, если я расклеился от такой мелочи. Я отставил прочь стакан, прекращая это бессмысленное самобичевание. Хватит!

В этот момент как раз подошел Кростор, за ним следовал приехавший за мной Ричард.

– Ваш дворецкий прибыл, – доложил Тамми. – Вы точно хотите уехать? Наверху еще полно свободных гостевых комнат.

Я покачал головой, отказываясь и вставая со стула. Едва не забыл при этом трость, но вовремя опомнился и подхватил ее.

Мне хотелось покинуть этот дом как можно скорее. И все же, уходя, я чувствовал на себе взгляд Аманды – пронзительный и сверлящий в спину. Потому не удержался, обернулся и заставил себя подойти к ней.

Толпа передо мной расступилась, пропуская к ней ближе и не желая стоять у меня на пути. Девушка же смотрела с вызовом, явно ожидая моих слов:

– Ненавижу розы, в любом их проявлении. Что же касается фасона вашего платья, то остановимся на брюках! Вам они несомненно идут гораздо лучше, чем большинству здесь собравшихся. И насчет свадьбы. Сообщите мне, как определитесь с датой. Я соглашусь с любой.

Ее щеки вспыхнули алой краской гнева.

– Обязательно, – она была готова рычать, но прекрасно понимала, что сама затеяла эту игру. А значит, партию придется доигрывать до конца, чтобы уже нам двоим не быть идиотами в глаза окружающих. – Как только, так сразу!

Вот только в ее тоне сквозило явственное “никогда”.

Я сдержанно поклонился, как можно тверже развернулся на пятках и направился к выходу из зала. Там меня уже заждался Ричард.

На лице дворецкого была печать задумчивости, а меж бровей залегла глубокая складка. Он внимательно разглядывал издали Аманду, будто силясь что-то вспомнить.

– Что-то не так? – спросил у него, понимая, что обычно безэмоциональный слуга выглядит крайне нехарактерно для себя.

– Не считая вашего состояния, сэр? – произнес он, заламывая бровь. – Кроме этого, все точно в порядке.

– Тогда к чему эти взгляды? – я простил ему эту легкую фамильярность. Кому как не Ричарду прощать подобное.

– Девушка, – дворецкий пожал плечами, выводя меня на улицу... – Необычная. Как будто я ее уже видел. Лет эдак двадцать назад.

Ночной воздух свежестью ударил по легким, отрезвляя затуманенную алкогольным дурманом голову.

– Двадцать лет назад эта девушка была в лучшем случае кричащим младенцем. Так, что вряд ли ты смог бы ее узнать, спустя столько времени.

– Вы как всегда правы, сэр, – легко согласился слуга. – Вероятно моя память просто играет со мной дурную шутку.

У порога стоял старый автомобиль – кабриолет одной из первых моделей. Когда-то он принадлежал моей матери, но с момента ее смерти продолжал стоять в гараже. Любопытно, почему именно эту машину решил взять сегодня Ричард.

Я сел на заднем сидении, откинулся на спинку и прикрыл глаза. Голова от выпитого все же шла кругом, и я не был уверен, что не отключусь во время пути домой.

– Ах, да, сэр. Забыл вам сообщить, – заводя мотор, произнес дворецкий, чем заставил меня открыть глаза и посмотреть на него внимательнее. – В нашем доме пополнение.

– В каком смысле? – не понял я, потому что никаких гостей точно не ожидал.

Я был не тем человеком, к которому можно внезапно нагрянуть с визитом.

– Ваш кот, сэр. Сегодня он родил котят.

Глава 3

/Аманда/

Домой я попала лишь под утро. Думала, что после случившегося не смогу уснуть, но ошиблась. Видимо, напряженные нервы дали о себе знать, и стоило только прилечь на подушку, как я в мгновение ока отключилась.

Зато утром проснулась далеко за полдень. Долго лежала, разглядывая потолок и воскрешая в памяти события вчерашнего дня. Пыталась устаканить их в своей голове, структурировать и окончательно осмыслить.

Теперь я обыкновенная. Просто девушка без капли магии. Конечно, где-то глубоко в душе щемило болезненное чувство надежды: а вдруг дар все еще при мне? Ведь по ощущениям как будто ничего не изменилось. Сила будто продолжала звенеть на кончиках пальцев и чувствительной коже губ.

Вот только обманывать себя последнее дело.

Нужно смириться. Дара нет, а значит, тешить себя бессмысленными мечтами смысла тоже нет.

Тело продолжало ныть, но уже не так сильно как вчера. Все же физическая боль имела свойство утихать, жаль что душевная не могла сделать это же так быстро.

Я встала, умылась, а после спустилась на кухню и попросила подать завтрак, который по времени уже был схож с обедом, в кабинет Артура.

Вчерашние события хорошо дали мне понять, что надеяться ни на кого кроме себя не приходится, поэтому я собиралась засунуть свой длинный нос в документы Франца. Пускай уйдет на это не один час, но я должна была разобраться, чем он вообще занимался в Панеме и какую деятельность вел. Теперь я хотела быть во всеоружии.

В нашей с ним секретной операции мы налажали оба. Он, потому что переспал с моей сестрой, и я, потому что пройдет несколько дней – и Сакс задастся вопросом, чем руководствовалась я, садясь к нему за стол и требуя ночь, будучи девственницей.

И более того: какая-то тварь, а иначе я и назвать не могла, настучала Саксу о якобы моем прошлом. Кто-то рассказал ему о Флоре и ее развлечениях.

Интересно, сколько у Деймона уйдет времени, прежде чем он додумается сложить все факты в одну картину?

Зная все его возможности, в уме я уже прикинула, что он наверняка с утра успел разослать приказы проверить всю мою биографию вплоть до момента зачатия. То-то он удивится, если в какой-то момент поймет, что никакая я не Аманда.

Конечно, Флора была более опытным агентом, чем я. И наверняка, не позволяла себя фотографировать, так что вряд ли могли всплыть старые снимки. И все же на душе было неспокойно.

Я танцевала босиком по лезвию ножа, – как выразился когда-то Артур. И с каждым шагом приближалась к опасному краю, рискуя сорваться.

Кабинет Франца встретил меня тишиной и частичками пыли, витавшими в воздухе на солнечных лучах. Я так и не добралась сюда с тряпкой и уборкой, и в ближайшее время – вряд ли соберусь это сделать.

Заняв место в кресле Артура, несколько мгновений я размышляла, где он мог прятать важные бумаги. Явно не в ящиках стола, хотя их я на всякий случай тоже открыла. Но кроме стопки чистых листов и письменных принадлежностей ничего не нашла.

Сейф.

В кабинете однозначно должен быть сейф или подобный ему тайник.

Вот только я ума не приложу, где он находился. Простукивание стен ничего не дало, внимательный обход и выслушивание скрипящих половиц тоже. За двумя картинами и одним гобеленом так же ничего не нашлось.

Неисследованными оставались только книжный шкаф и глобус-бар с алкоголем. И если с последним я уже успела подружиться, то книги не осматривала ни разу. Вполне могло стать, что, сдвинув одну из них, можно было запустить секретный механизм.

Но и здесь меня постигло разочарование. Книги оказались всего лишь книгами, и никаких потайных ходов в кабинете не обнаружилось.

Устало я опустила в гостевое кресло, откидывая голову назад и прикрывая глаза. Вполне вероятно Артур забрал все бумаги с собой, но я видела, как он собирал чемодан, с которым он покидал дом. Документов в нем не было. Быть может, Франц-младший и вовсе не держал никакой важной корреспонденции...

Но этого не могло быть!

Иначе зачем бы он проводил в кабинете по столько часов, запираясь от всего внешнего мира? Однозначно, что-то важное в этой комнате все же находилось, просто стоило поискать лучше.

Я открыла глаза и бездумно уставилась в потолок, размышляя, где ещё не искала. Догадка пришла неожиданно.

Ну конечно же! Пол и стены – это слишком просто для тайника. Да и зачем прятать ценные вещи внизу, если обладающий недюжинным ростом Артур прекрасно мог дотянуться, скажем, до плафонов на люстре. Ради интереса, я подскочила к выключателям, провернула их, включая свет и убедилась, что один из светильников не работает.

Прекрасно!

Дальше дело за малым: придвинув кресло под нужную лампу, я аккуратно сняла плафон и вытряхнула из широкой стеклянной сердцевины тугую скрутку бумаг, перевязанную толстой нитью.

Разместившись за столом, аккуратно срезала ее и разложила вокруг себя документы. В основном, здесь нашлись письма без подписей. Почти нигде не было ни дат, ни имен, ни конкретных указаний мест. Лишь множество условных обозначений, кодовых названий, шифров. Путем долгого изучения я смогла провести лишь некоторые параллели с реальными людьми. Так, очень часто в переписке шла речь о Ферзе. Незвестный отправитель несколько раз предупреждал опасаться его трости с серебряным набалдашником.

– Ферзь, значит, – горько хмыкнула я и вновь погрузилась в чтение.

На одном из писем стояла дата ещё до смерти Флоры. В нем содержался краткий перечень инструкций по поведению для “белой королевы”.

Скривившись, я пробежала глазами по пунктам и брезгливо отбросила бумагу в сторону к уже прочитанным письмам. Именно из-за этих указаний вчера пострадала я. Зато теперь можно было со всей уверенностью заявить, что Флора являлась отличной шпионкой. Выполняла все с удивительной тщательностью. Пусть земля ей будет пухом!

Оставалось только задуматься над тем, как она, не будучи суккубом и создав себе подобную репутацию, собиралась добыть секреты Сакса? Ведь для выполнения задания нужно было не просто попасть в постель к приемному генеральскому сыночку, но и вернуться из нее живой и со всеми сведениями. Выходило, что у Флоры были козыри в рукаве, вот только мне о них не сообщили.

Следующие письма показались мне набором бессмысленных фраз и словосочетаний. Совершенно определенно для расшифровки нужен был код. Но им я не располагала, а потому эти письма отложила в отдельную стопку, чтобы вернуться к ним позже и попробовать удачу снова.

А дальше началось интересное.

Письмо оставалось только одно. Речь шла о подготовке операции “Бумеранг”, но деталей внутри не разглашалось, да тем более. Зато прилагалось несколько десятков транспортных накладных фирмы “нашего с Грегором папочки” – Томаса Харрисона.

Я потерялась в обилии цифр и позиций по перевозкам грузов из пункта А в пункт Б.

Тушенка, рыбные консервы, соленые и высушенные овощи, зерно, соки и компоты. Все эти и другие продукты десятками тонн возились по всей стране хаотичными маршрутами, и лишь конечный пункт был неизменен: все поставлялось в Столицу. Я бы подумала о том, что речь идёт о простом обеспечении города продовольствием, если бы не странные метаморфозы происходящие с грузом в пути.

Вес то увеличивался на полтонны, то убавлялся. Количество позиций тоже жило своей жизнью.

В общем, на точную бухгалтерию накладные явно не походили. Меня привлекла пометка на полях, сделанная карандашом почерком Артура. Наименование одного из соков было перечеркнуто, а сверху дописано: “динамит” – тонна.

Внутри все похолодело. Взрывчатка в таком количестве пугала до дрожи в коленях. Я вытащила из ящика стола лупу и принялась разглядывать пометки внимательнее.

Когда-то их было много. Артур щедро оставлял их грифелем на полях, а потом видимо стирал ластиком. Вот только следы от твердого нажима стержня о бумагу остались.

Патроны, пистолеты, ещё динамит; автоматы, гранаты... и весь этот арсенал свозился в Столицу!

Город был просто наштапован всевозможным оружием!

Я отложила накладную в сторону. На осмысление увиденного ушли доли секунды, а от выводов стало жутко.

Артур Франц – сын главы разведки империи Арсамаза, талантливый менталист и диверсант в одном флаконе. Он не первый год работал в Панеме под прикрытием, а все ради чего?!

Я ещё раз перевела взгляд на бумаги.

Что он готовил? Очередной государственный переворот? Взрывы, террор, новую смуту?

Ну, а зачем ещё тогда свозить в город столько оружия, которого хватит для обеспечения маленькой армии?

И почему я не интересовалась раньше, чем именно занимался Арт? Ответ был прост. Меня это попросту не волновало, я предпочитала заниматься внутренними самокопаниями, и закрывала глаза на все тревожные звоночки.

Вечные недомолвки и тайны, которые обернулись моей личной катастрофой.

И эта катастрофа будет ещё обширнее, если все оружие, упомянутое в накладных, пустят в ход. Появится много жертв среди мирного населения, и не меньше среди военных. Начнется хаос, который обернется войной, пусть не с Арсамазом, но гражданской – внутри страны.

Мне твердили, что мое задание поможет избежать кровопролития, но сейчас я узрела лишь то, что задание Артура состояло в том, чтобы это кровопролитие спровоцировать.

Мои пальцы невольно сжались в кулаки, и давно заживший шрам на спине от взрыва в лодочном сарайчике заныл с новой силой. Просто я знала, что такое война. Настоящая, не романтическая из книг, а со взрывами, кровью и потерями.

Внезапный стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Я быстро сгребла в кучу разложенные бумаги и скинула их в ящик стола. Только после этого непринужденно крикнула:

– Войдите!

Все же хорошо, что на кабинет Артура были наложены все возможные и невозможные чары, и без специального разрешения внутрь даже прислуге не проникнуть.

Дверь приоткрылась, впуская Кати:

– Мисс Харрисон, там прибыл курьер... – вид у экономки был донельзя странным. Да и смотрела она на меня... как-то восхищенно. С загадочным прищуром и озорным блеском в глазах.

– Что ещё за курьер? – не поняла я, потому что никаких доставок не заказывала, а сюрпризы с недавних пор ненавидела.

– А вы посмотрите сами, – она произнесла это так благоговейно, что я неуютно заерзала на стуле, а в интонациях ее голоса послышался мечтательно-тоскливый вздох... – Обед готов, точно ли подавать в кабинет или лучше в столовую?

– В столовую, – поднимаясь из-за рабочего стола, ответила я и быстрым шагом отправилась к выходу.

Там заперла за собой дверь и последовала за Кати.

Курьер обнаружился стоящим на пороге дома, а в руках у него ничего кроме папки для сбора подписей не нашлось.

– Аманда Харрисон, – спросил он и, увидев кивок, протянул ручку и листок. – Распишитесь в получении.

– В получении чего? – я даже не притронулась к протянутым бумагам и скрестила руки на груди.

Курьер посмотрел на меня растерянн, а в следующий миг забрал папку и выдал:

– В примечаниях было указано, что вы можете отказаться. Поэтому можно и без подписи, – он махнул кому-то сидящему в автомобиле за воротами, а после настала моя очередь смотреть на все происходящее вначале с растерянностью, а потом и со злобой.

Из автомобиля вышли двое грузчиков. Они распахнули дверцы багажника и вытащили оттуда просто невероятную корзину белых лилий.

Мне было страшно предположить сколько может оказаться внутри цветов, потому что двое рослых мужчин волокли ее с трудом. Двести? Триста?

– Букет содержит пятьсот пятьдесят пять королевских лилий, – с пафосом, положенным моменту, продекламировал курьер, явно ожидая, что я свалюсь в обморок от счастья.

Я же могла только рычать, сцепив зубы и сжав кулаки:

– Кто отправитель?

– В заказе не указано, но есть записка...

Дальше его уже не слушала, быстро преодолела расстояние до ещё не добравшегося до меня букета, и выдернула из моря цветов красный прямоугольный конверт.

Кто отправитель я уже и так знала, но у меня не укладывалось в голове: как у него, вообще, наглости хватило на подобный жест?

“Это не способ вымолить у вас прощение, это просьба одной встречи. Д. С.”

Руки, державшие записку, дрогнули, а в следующий момент я разорвала ее в мелкие клочья.

Что было в мыслях у этого мужчины, если он решил, что букет лилий заставит меня пойти к нему на встречу? Он идиот?

Я круто развернулась и вернулась к курьеру, стоящему у порога, бросив:

– Букет выбросить! Чтобы я этих цветов здесь не видела! – и ушла в дом.

– Мисс Харрисон, – послышалось вслед, но останавливаться я не собиралась.

Уже в доме меня догнала Кати, ее каблучки звонко цокали по паркету, и этот звук удивительным образом меня раздражал.

– Госпожа! Мисс Харрисон, вы точно уверены, что букет стоит выбрасывать? – она оббежала меня и крайне деликатно преградила путь. В руках у нее находилась красная продолговатая шкатулочка, обитая бархатом. – Там внутри еще было это.

Она протянула мне коробку. У меня же руки затряслись от негодования. Я отшатнулась от подарка, как от ядовитой змеи. Желания заглядывать внутрь не было никакого.

– Забери себе! – почти выкрикнула и кинулась к лестнице вверх.

Там заперлась в спальне, рухнула на кровать и, кусая подушку, чтобы приглушить всхлипы, долго рыдала.

Злость, обида и негодование. Вот что бушевало у меня на душе. Но в какой-то момент я нашла в себе силы прекратить эти бессмысленные стенания. Расколотила об стену вазочку, стоявшую на тумбочке, и как-то полегчало.

А еще осознала, что зверски хочу есть! Потому что со вчерашнего обеда у меня и крошки во рту не было.

Когда спустилась, время на часах уже подходило к ужину. Мне заново накрыли в столовой, и я, абстрагировавшись от всего, сумела поесть. Я допивала чай, когда в дверь раздался звонок и требовательный стук.

Вздрогнула от неожиданности и вновь взметнувшегося раздражения. Четко решила, если это не Артур, вернувшийся пораньше, то из-за стола даже не встану.

Но как выяснилось и не понадобилось.

Через пять минут в столовую вошла Катерина с несколькими тяжелыми книгами в руках, за ней шел дворецкий с довольно скромным, по сравнению с предыдущим, букетом гортензий.

Я до боли прикусила нижнюю губу.

Сакс! Он успокоится вообще?!

– Принесли образцы тканей из салона подвенечных платьев “Ивони”, – Катерина прочла название на визитке, которая лежала на том, что мне показалось книгами, а на деле сшитыми лоскутами разных тканей под твердым переплетом.

– И образец свадебного букета из салона “Гортен Флоуверс”, – добил меня дворецкий, ставя передо мной бело-сине-розовый букетик, перевязанный снизу атласными лентами.

– Что?! – я не узнала своего голоса. – Зачем?

– Ну как зачем? – изумилась Кати. – Наверное, это из-за утренней статьи в “Панемском вестнике”.

– К-к-какой еще статьи? – я начала заикаться подобно Лизабет.

Катерина положила свою ношу на стол, и через полминуты принесла мне утреннюю газету, на которой половина передовицы была занята громким заголовком: “Свадьба века. Какие цветы и платье выберет Аманда Харрисон?”

Первым делом я перевела взгляд вниз страницы, туда, где в авторстве значился абсолютно неизвестный мне журналист. Ну хоть здесь Анджела не оказала мне медвежьей услугу, хотя вряд ли она не была в курсе, какая именно статья выходит в ее газете.

“Высший свет потрясен новостью: Деймон Сакс женится!

Слухи, давно бродившие в обществе, подтвердились вчера вечером, когда на приеме у Крастора Тамми господин Сакс сделал своей избраннице Аманде Харрисон предложение при свидетелях.

Пара пока еще не определилась с датой, но уже сейчас активно обсуждает фасон подвенечного платья будущей невесты, а также цветы, украшение банкетного зала, стиль приглашенных и размер будущего торта”...

Я скинула взгляд поверх газеты на “томики” с образцами тканей, и в груди что-то неприятно шевельнулось, а после вернулась к чтению статьи:

“Обручальные кольца также еще не были приобретены, но представители ведущего ювелирного дома “Уинстоун” сообщили, что направили г-ну Саксу каталоги своей продукции с презентацией самых эксклюзивных украшений из золота, платины и бриллиантов...”

Смех, неожиданный даже для меня самой, вырвался из груди.

Хохотала я громко и от души, потому что...

Моя брошенная вчера от злости фраза грозила перерасти в самый настоящий свадебный фарс вселенского масштаба. Отдуваться за который придется не только мне, но и Саксу!

Я отложила газету в сторону, и с неимоверно ехидной улыбкой, которая только могла возникнуть на моем лице, попросила Кати выбросить в мусор все каталоги и “свадебный букет” отправить туда же.

Она кивнула и с некоторой грустью ушла исполнять. Лишь у самого порога остановилась, обернулась и спросила:

– А можно я себе оставлю ткани?

Я вскинула на нее удивленный взгляд.

– Зачем они тебе?

– Красивые. Даже из таких лоскутов можно что-нибудь сшить.

Я пожала плечами и разрешила.

– Можешь вообще все, что пришлют, себе забирать или раздавать остальным слугам. Что-то подсказывало мне, что это не последние ткани и букеты.

* * *

Я как в воду глядела, произнося вчерашним вечером ту пророческую фразу. Потому что уже сегодня утром порог дома буквально атаковали всевозможные курьеры из всех салонов, хоть мало-мальски связанных со свадьбами.

Многочисленные образцы тканей и букетов оказались наименьшим злом, самыми настырными оказались представители типографий, предлагающие сотни видов пригласительных.

Они без стеснения пытались пробиться ко мне в дом “для обсуждения дел”, оставляли дворецкому визитки, а самые наглые лезли через сад и стучались в окно столовой на первом этаже. Одного самого доставучего, не выдержав, я окатила водой из подвернувшейся под руку вазы с ромашками.

Несмотря на то, что в доме теперь было полно благородных цветов, названий половины которых даже не знала, на столе я до сих пор предпочитала видеть обыкновенные полевые растения.

Апофеозом происходящего абсурда стало нашествие кондитеров!

Если фирмы поскромнее просто присылали коробку с пирожными, в попытке растопить мое ледяное девичье сердце и склонить его к переговорам, то пекарная мастерская “Аморе-де-Виль” превзошла всех.

К моему порогу привезли торт. Самый настоящий. В три яруса, с кремовыми цветами, сахарными жемчужинами, марципаном и венцом творения – двумя фигурками брачующихся.

В блондинке я узнала себя, а в облаченном во фрак мужчине с тростью – Сакса!

– А вот это, пожалуй, оставь, – хищно сощурившись, попросила я Кати, которая показывая мне сие чудо кондитерской мысли, буквально умоляла не выбрасывать этот шедевр. – И принеси нож!

Она молнией метнулась на кухню, явно радуясь тому, что хоть что-то сумело вытащить меня из состояния равнодушной озлобленности, в котором я пребывала последние сутки. Получив в руки кухонный широкий тесак, я несколько мгновений взвешивала его в руке, примеряясь, с какого бока лучше зайти к торту, а потом без сожалений вонзила лезвие в Сакса!

Нож легко вошел в искусно слепленную фигурку, разрезая ее напополам, и я испытала мстительное удовольствие от происходящего. Правда, потом, все же не удержавшись, ковырнула пальцем немного мастики и поднесла ко рту кусочек бисквита, когда-то бывший частью фрака.

Сакс был мятным, как первая мелисса в начале сезона, и с легким привкусом вишневого ликера, а может, коньяка. И это при “сухом законе” в стране!

Странное сочетание, но почему-то вкусное.

– Кати, – я подняла растерянный взгляд на экономку. – Выбрасывать еду все же кощунство. Куда можно отвезти столько сладкого? В столице есть сиротские приюты?

От моего вопроса она вздрогнула и на мгновение отвела взгляд, но тут же нашлась с ответом:

– Не в столице. За городом. Вы вправду хотите отвезти торт детям?

– Да, – решительно заявила я. – Только вот это уберу, – и сковырнула ножом с верхушки свою импровизированную копию. – Не хочу, чтобы мне отгрызли голову. Если отправимся прямо сейчас, он не успеет испортиться. В приюте не будут против такого позднего визита?

Я скосила взгляд на напольные часы, которые показывали половину шестого вечера. Вряд ли дети уже спят.

– Нет, конечно, – всплеснула руками Кати. – Там всегда рады пожертвованиям, в любое время дня и ночи.

И все же насчет ночи я усомнилась.

– Тогда я сейчас переоденусь и мы поедем. Ты покажешь мне дорогу, – решила я. – Попроси дворецкого помочь перенести все сладости, которые сегодня привезли, в машину.

Экономка просияла улыбкой и унеслась исполнять. Я же поднялась в свою комнату и сменила платье на брючный костюм.

Параллельно меня занимали мысли о личности Кати Райт. Вестей из Арсамаза по поводу нее так и не пришло, а по местным каналам Артур не смог подтвердить, является ли она дочерью Виктории. Но судя по опросам, которые провел Франц у семей, где она работала, девчонка была работящей и добросовестной, а вот о причинах её увольнений распространяться никто не хотел.

Уже выезжая из столицы, я все же не выдержала и бросив взгляд на сидящую рядом Кати, поинтересовалась:

– Почему ты так отреагировала, когда я спросила о приюте?

Ее пальцы крепче сжали коробку с неизвестным содержимым, которую она забрала из своей спальни, и после недолгой заминки ответила:

– Я сирота. Дважды, – ее голос дрогнул и она сглотнула.

Моя бровь удивленно взметнулась вверх.

– Это как?

– Когда мне исполнилось четыре, меня удочерила одна женщина. Стала настоящей матерью. Я любила ее до безумия, а потом началась война и еще раз отняла у меня единственного родителя, – по щеке Кати скатилась слезинка, а губы поджались. Подбородок мелко задрожал от воспоминаний, которые явно нахлынули на девушку, но она продолжала держаться, чтобы не разрыдаться прямо здесь.

Мое сердце словно тисками сжало.

– Прости, я не хотела тебя расстроить, – искренне сожалела я.

– Ничего страшного. Эта боль давно утихла... Сейчас я, наоборот, очень рада, что мы едем в приют. После войны там все изменилось, сирот стало больше, а вот благотворители почти исчезли. Теперь все, что есть у приюта, делается силами бывших воспитанников.

Моя рука невольно сжалась на оплетке руля, я еще раз покосилась на коробку в руках экономки и в голове вспыхнула догадка:

– Ты везешь туда вещи.

Кати кивнула.

– Игрушки и куклы. Я сама их шью. Именно для этого я вчера попросила образцы ткани. Из белых кружев выйдут замечательные платья.

Теперь настал мой черед судорожно сглатывать. При упоминании белых платьев у меня начинался нервный тик.

Дальше ехали молча. Катерина указывала дорогу, которая чем дальше, тем больше становилась заросшей и глухой. Складывалось впечатление, будто в лучшем случае здесь проезжают машины раз в день, а недавно прошедший дождь не облегчал попытку пробраться через самые сложные места.

В какой-то момент я остановилась у показавшейся особенно глубокой лужи и вышла из машины. Загонять авто в грязь, чтобы в ней потом застрять, не хотелось. Поэтому я решила прежде чем набедокурить, лучше проверю глубину.

Обломала ветку у дикорастущей яблони у обочины, и пока очищала ее от листьев, продолжала расспросы Кати.

– Ты сказала, что у тебя была только мать. Но разве такое возможно. Насколько помню правила усыновления, до войны детей отдавали только в полные семьи?

Если девушка действительно дочь Виктории, то ответ я знала заранее. И все же, мне было важно его услышать от экономки.

– Моя мать была важной фигурой в старом обществе. Ей пошли навстречу, – девушка выбралась из машины, оставив коробку на сидении, и подошла ко мне помогать расправляться с веткой. – Что же касается отца... Мне и без него хорошо жилось. Из детства осталось только одно воспоминание, когда под новый год в приют приехали благотворители с подарками, среди них был один мужчина – врач, Деймон Стоун. Он привез лекарства. Тот доктор казался мне таким большим, сильным и высоким... До сих пор помню, как тянула к нему руки и просила, чтобы он и женщина рядом стали моими родителями. А они ответили, что не могут, потому что не любят друг друга, – с губ Кати слетел грустный смешок. – Представляете, я им тогда заявила, мол, что может быть проще. Возьмите и полюбите!

– Ты была ребенком, не понимала многого.

Ветка была почти оборвала, и Кати уже отряхивала руки, когда на ее запястье мелькнул браслет с ярко сверкнувшими красными камнями в закатном солнце. Девушка поймала мой удивленный взгляд и ойкнула.

– Наверное, не стоило надевать его, – смущенно пробормотала она, одергивая рукава ниже. – Просто он такой красивый...

– Это то, о чем я думаю? – я вспомнила вчерашнюю коробку, обитую бархатом.

Кати кивнула.

– Могу вернуть, если хотите.

– Вот еще! – взбрыкнула я и решительно пошла к луже измерять глубину. – Он твой. Носи где и когда хочешь!

Глубина, к счастью, оказалась не катастрофической. Больше пугающей со стороны, чем на самом деле.

Когда лужа осталась далеко позади, Кати нарушила молчание:

– Это ведь подарок от того, кого все называют вашим женихом – Деймона Сакса?

Мои губы невольно скривились, и ее вопрос я оставила без ответа.

– Выходит, в газетах врут, – продолжала расспрашивать девушка, – и никакой свадьбы не будет?

– Не будет, – сквозь зубы прошипела я, выжимая газ чуть сильнее, чем следовало. Покосилась на погрустневшее лицо Кати и, не выдержав, сказала: – Только не говори, что расстроилась.

Да и с чего бы. Ей по идее должно быть плевать на мою личную жизнь.

– Мне казалось, он хороший, – отводя взгляд, пробормотала она.

– Вот именно, тебе казалось.

– Вам виднее. Наверное, все дело в ассоциациях. Он похож на того самого Деймона Стоуна из детства. Имена одинаковые, да и типаж. Разве что, у доктора очков не было.

Я резко резко нажала на тормоз, остановила машину и обернулась к Кати.

– Давай прекратим эту беседу, – мой голос прозвучал хрипло и грубо. – При мне никаких разговоров о Саксе в любом проявлении. Ничего не хочу о нем слышать!

Девушка от неожиданности моей реакции вжалась в спинку сидения. Ее и без того большие глаза стали еще огромнее, а в следующий момент она согласно дернула головой.

Меня это удовлетворило.

Дальше, до самого приюта, ехали молча.

К большому и обветшалому зданию мы прибыли затемно. Оно стояло здесь, словно нелепый элемент пейзажа. Буквально посередине поля. Ни забора, ни живой изгороди вокруг. Разве что несколько хозяйственных пристроек и теплиц виднелись в отдалении.

– Здесь живут сироты? – при взгляде на эту унылую картину душу выворачивало наизнанку.

– Да, но все не так плохо, как кажется, – оптимизм в ее голове показался мне напускным. – Дети спят в основном корпусе, там довольно тепло и удобно. Чуть дальше есть небольшой сад с фруктовыми деревьями и огородик, где днем все работают. Так что обычной еды в принципе хватает, и что-то даже остается на продажу в городе. До войны здесь стоял еще и коровник, но в него попала бомба.

Я вздрогнула, а в ушах будто наяву загудел мотор приближающегося самолета перед авиационным ударом.

– Я считала, что пригороды столицы почти не бомбили, – совладав с собой, произнесла я. – Разве у Макении была авиатехника?

– То, что было у одной стороны, очень быстро появлялось и у другой. Так что лучше уж в коровник, чем в детей.

– Лучше бы вообще в никуда, – пробормотала я, и мы вышли из машины.

Вблизи здание оказалось еще в более ужасном состоянии, чем издали. Многочисленные трещины испещрили стены, образовывая причудливую сетку изломов. Кое-где их замазали, но разве можно бесконечно пытаться склеить то, что разрушено временем.

В нескольких окнах на втором этаже горел свет, а за шторами виднелись силуэты высоких фигур взрослых.

– Штат работников небольшой. Всего трое. Наверное, поэтому они к нам не вышли. Все заняты укладыванием детей спать, – пояснила Кати. – К сожалению, мы припозднились, но это на самом деле не страшно. Так даже лучше. Утром все встанут, а на завтрак будет сладкое.

Она взлетела по ступеням, подошла к дверям и тихонечко постучалась. Трезвонить в издававший виды колокольчик сейчас не хотелось.

Я же пребывала в странном оцепенении. Знала, что делаю благое дело, но стояла у порога, не в силах сделать даже шага на первую ступень. Меня обуревали противоречивые чувства. Потому что передо мной был еще один дом, в котором могла бы вырасти я. Если бы не Аластар и Тори.

Страшно представить, какой могла бы стать моя жизнь, не забирай они новорожденную девочку к себе. Ведь в это место отвозили всех сирот, которые по каким-то причинам остались без родителей... Интересно, нашелся бы кто-нибудь в моей жизни, подобный Виктории, кто смог бы удочерить?

Начавшуюся было дрожь в коленях я пресекла, больно ущипнув себя через брючину! А потом сделала первый шаг вперед, и второй дался намного легче.

Хватит! Настрадалась!

У меня не было права считать свою жизнь ужасной, потому что всегда были те, у кого она еще хуже! Что же касалось моего положения потерявшей дар суккубы...

Да и черт бы с ним.

Правильно сказала Лиза: миллионы женщин живут без магии, значит, и я выживу. А дети... Мой материнский инстинкт в текущей ситуации вечно натянутых нервов крепко спал,

ожидая лучших времен, и если когда-нибудь потом он решит проснуться – у меня всегда останется вариант пойти по пути Виктории. Главное, сейчас его было не будить и не тревожить.

У судьи Райт был дар, но даже это не помогло ей встретить настоящую любовь и завести детей от плоти и крови своей. И тем не менее, передо мной стояла выросшая девочка Кати, которая стала ей прекрасной дочерью.

Быть может именно поэтому она, несмотря на все опасности, которые несло родство с опальной суккубой, оставила себе фамилию Вики?

А впрочем, сейчас это было не столь важно.

Потому что для себя я поняла одну вещь – сладости передам и по возвращении обязательно поговорю с Артуром, на предмет перевода пожертвования на счет сиротского приюта. А вот самих детей я бы сейчас видеть не смогла. Поговорю с воспитателями, узнаю, что здесь необходимо, а потом уеду. Моя личная рана все еще болела, и мне обязательно нужно дождаться, пока она заживет, чтобы жить дальше.

* * *

Из приюта я уезжала далеко за полночь. Конечно, меня уговаривали остаться до утра, директриса предлагала подготовить для меня комнату, и настаивала, что в столь поздний час дорога может быть опасной, но я была непреклонна. Отказалась, соврав о завтрашних важных делах в городе с самого утра.

Кати кинула на меня удивленный взгляд, она-то знала, что в состоянии, в котором я находилась в последние дни, мне и носа из дому не хотелось показывать, что уж говорить о важных делах.

Но ничего, завтра я придумаю, чем заняться.

Уже на обратной дороге я сама завела запрещенную мною же тему. Потому, что в голове продолжали не укладываться некоторые вещи:

– Кати, как тебе может нравиться Сакс? – спросила, нарушив тем самым долгое молчание. – Человек, чей отец развязал войну, из-за которого погибла твоя мать и еще десятки тысяч людей.

Она пожала плечами.

– Ну, он ведь приемный.

– И что? – все равно не понимала я. – Генерал его воспитал, сделал его тем, кем он является сейчас. Где гарантия того, что, получив кресло канцлера, этот человек не развяжет новую бойню? Ты ведь не глупая девочка, должна понимать, что интересы государства будут диктовать Саксу определенную линию поведения.

“И не только интересы”, – добавила я про себя, вспомнив фразу, оброненную Деймоном в ресторане: о больших планах на будущее.

Уж в чем-чем, а в его амбициях я не сомневалась. Далеко пойдет!

– Вы говорите странные вещи для той, кому пророчат его в мужа, – с прищуром ответила экономка, а я прикусила язык за неосторожность. – Но не переживайте, я никому не расскажу о вашей позиции насчет него. Что же касается войны... – она задумчиво перевела взгляд в темноту, раскинувшуюся за окном. – За то время, что господин Сакс заменяет отца, в Столице стало намного спокойнее. Может, это затишье перед бурей, но хочется верить в стабильность. Да и кому, как не мне знать, что приемные дети не обязательно похожи на родителей.

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась я.

– Просто иногда даже на одной яблоне растут плоды разного сорта, поэтому нельзя делать выводы о детях по их мачехам и отчимам, вначале нужно разобраться.

В отражении стекла я видела как она незаметно смахнула слезу с щеки.

Похоже, я опять потопталась по больным мозолям Кати.

Мы подъезжали к дому, когда я издала заметила горящий в окнах свет.

– Странно, мне казалось все будут спать в этот час, – пробормотала экономка, делая те же выводы, что и я. – Надеюсь, ничего не случилось

– Твои слова, да правде в уши, – едва слышно пробормотала, паркуя авто рядом с воротами, и потом очень быстрым шагом я миновала дорожку до порога, дернула двери, которые оказались не заперты, уже заранее зная, кого увижу в доме.

Артур стоял ко мне спиной, в том же костюме, в котором уезжал и с тем же чемоданом. Все говорило о том, что он вернулся домой буквально несколькими минутами ранее, и ему открыл заспанный дворецкий, который находился тут же в ночной пижаме. Он, по-видимому, и включил свет.

– Ну, здравствуй, братик! – произнесла я, встречаясь взглядом с Артом, едва он обернулся на мои шаги.

– Доброй ночи, сестричка, – ответил он, с абсолютно не свойственной ему радостью, и сделал шаг вперед, наверное, чтобы обнять меня.

Но я покачала головой. Ненавижу спектакли, особенно, когда понимаю, что актеры играют даже не для меня, а на остальную публику.

– Не сейчас! Вначале нужно поговорить!

Он кивнул, поднимая чемодан с пола и мгновенно настраиваясь на деловой лад.

– Нужно. И ты даже не представляешь как.

Горький смешок все же сорвался с моих губ. Мне ли не представлять? Интересно, что он решит сообщить мне сегодня? Расскажет, наконец, правду, которую я и без него знаю? Или ошарашит ещё каким-нибудь известием?

Последнее вряд ли. Теперь мне казалось, что после всего произошедшего добить меня морально просто невозможно.

Через несколько минут, уже будучи в кабинете, я сидела за его столом в его кресле, решительно позволяя себе эту наглость, потому что имела право. И наблюдала, как Артур запирает двери.

– Ну что, кто начнет первым? – постукивая пальцами по столешнице, сухо спросила я.

– Предлагаю вместе, а там решим, – напускное веселье, которое было в голосе Арта холле, окончательно исчезло. На его место пришла сосредоточенность.

– Никаких проблем, братик! – отозвалась я и набрала воздух, чтобы выпалить. – У меня больше нет дара!

– Нас отзывают в Арсамаз! – прозвучало одновременно со мной.

* * *

– Я его убью! – Артур сжал кулаки и вскочил с кресла, едва я закончила свой рассказ. Долго расхаживал по кабинету, ругался на великом арсамазском.

– Подонок! О, боже, Ло! Это ведь я виноват во всем! Я!

Он схватился за голову и рухнул в кресло.

– Я должен был защищать тебя, но вместо этого...

Смотреть на его метания было странно, но тем не менее закономерно, и почему-то приносило удовольствие. Пока я рассказывала ему обо всем произошедшем, вспоминала, заново переживала те чувства и эмоции, Артура, как менталиста, тоже цепляло, накрывало и размазывало.

Только если я уже начинала приходить в себя, он мои эмоции ещё переваривал.

Мне пришлось подняться с кресла, подойти к глобусу-бару, чтобы достать оттуда бутылку виски и налить в стакан.

– Выпей! – почти приказала я, протянув алкоголь братцу. – И успокойся! Ничего уже не исправить, можно только смириться и жить дальше.

Он залпом осушил бокал и протянул обратно мне. Я вновь плеснула ему виски и вернулась обратно за стол.

– Так что свою часть задания я провалила, – констатировала я. – Теперь расскажи-ка мне, старина Арти, как ты облажался с моей сестрой?

Он вздрогнул и поднял на меня взгляд. Почти, как у побитой собаки... У побитой, но по прежнему очень сильной и опасной бойцовой собаки.

– Ты и это уже знаешь...

В знак согласия промолчала и, лишь поджав губы, откинувшись на спинку кресла, при этом скрестив под грудью руки в ожидании, что же поведает мне “братец”. Оправдания или раскаяние?

– Я люблю ее!

– Это я и так поняла, а что-нибудь более рациональное можно услышать?

– А нет ничего рационального. Все случилось неконтролируемо, я даже не предполагал, что подобное возможно, – он прикрыл глаза, погружаясь в воспоминания, и рассказал: – Когда я был у Лизы в Квартале, она мне сразу понравилась, будто защемило в груди. Я был уверен, что это всего лишь симпатия, но чем дольше находился рядом с ней, тем больше накрывало. Это сродни эйфории. Когда идёшь по городу, и кажется вот-вот взлетишь!

Мне вспомнился тот день и состояние, в котором Артур вернулся тем утром. Будто действительно с крыльями. А потом он нес ахиною про сюрпризы и машину, пытался перевести разговоры подальше от темы Лизы и заговаривал мне зубы.

– После был чертов вечер в доме Тамми, и тебя вытащили рядом с ней на сцену, а я не знал к кому бежать на помощь. К тебе, если тест сработает? Или к ней, потому что видел, как она приготовилась заговорить, лишь бы переключить внимание на себя. Это было бы страшной глупостью с ее стороны. Потом мы пересеклись с твоей сестрой ещё в нескольких местах. Было странно ловить на себе ее взгляд, но могу поклясться, что буквально кожей ощущал его, стоило твоей сестре только взглянуть. А перед вечеринкой в “Атриуме” я заранее выяснил, что она будет там. Поэтому специально не взял тебя. Знал, что ты будешь против любого моего интереса к ней.

– И ты с ней переспал, – подвела итог я, не особо желая вникать в подробности их “первого раза”.

– Вначале я ее всего лишь поцеловал, – он саркастично усмехнулся. – Так что если какие-нибудь другие менталисты станут утверждать, что магия суккубов на них не действует – не верь. Действует, просто эти менталисты не влюблялись. Можно воздвигать барьеры, держаться, но они все равно сломаются.

В кабинете повисла короткая пауза, она же точка в этом разговоре. И я поняла, что самое время переходить ко второму вопросу. Открыла ящик стола, куда вчера сбросила найденные документы, вынула их и ворохом положила на стол.

– Следующий пункт на повестке дня, – почти торжественно объявила, доставая из кучи листок с транспортными накладными. – Что. Это. Такое, Артур?

Мне показалось Франц на мгновение побледнел, а может свет ламп дрогнул.

– Зачем в столицу свозится оружие? Каким было твоё задание, Арт? И что за операция “Бумеранг”?

– Я не уполномочен тебе разъяснять.

– Ты был не уполномочен трахать мою сестру! – я все же рявкнула на него, теряя остатки терпения и вежливости. – Так что говори, куда втянул меня и ее?!

В ещё один госпереворот? И кто, черт возьми, хочет развязать после этого новую войну? Панем или Арсамаз?

Меня несло, и я заваливала Артура потоком сознания.

– Я дезориентирована, не понимаю куда двигаться дальше. Вы направили меня сюда, чтобы я залезла в голову Сакса и не допустила кровопролития. А сами в это время готовили... что? Для чего это все? – я потрясла в воздухе бумагами.

– Ты не понимаешь, Ло! Это предосторожность, превентивная мера на случай если ты не справишься!

– Предосторожность? Неужели? – почему-то я не поверила. – Я уже не справилась, Арт. Так что будет дальше?

– Через месяц пройдут выборы канцлера. Не факт, что победит Сакс, и на этом месте не окажется Кранмерд. Его политика по отношению к Арсамазу ещё более агрессивна и радикальна. Поэтому, каким бы подонком ни был Деймон, и как бы он ни поступил с тобой, он не полный идиот. Кандидатура Сакса почти устраивает империю в качестве правителя Панема, при нем даже есть шансы ратифицировать несколько выгодных соглашений по разработке крупных месторождений нефти. Поэтому не было ничего плохого в нашем плане залезть в его мысли и узнать истинные мотивы, плюс “коды от нужных сейфов”. Удостовериться, так сказать, в чистоте помыслов. Знать, чего можно ожидать.

– От Кранмерда стало быть знаете?

– Ты не первая суккуба в стане врага! Так что знаем!

– Вот и послали бы ее к Саксу! – крикнула я, сжимая кулаки.

– Она мертва! – в тон мне, отозвался Артур, и я застыла, словно от удара пощёчины, а потом медленно опустила в кресло.

То, что меня использовали, я давно понимала. Обидно, что делали это вешая лапшу на уши о великой цели.

– Война никогда не заканчивалась, Ло, – гораздо тише продолжил Франц, – ты должна это понимать. Она лишь немного утихла, перешла в пассивную стадию, и мы должны контролировать своих врагов и иметь рычаги давления на союзников.

– Это тебя отец таким умным фразам научил? – не выдержала я.

– Это меня научила жизнь и любовь к Родине. Никто не собирается использовать это оружие, пока безопасности империи ничего не угрожает. Да, конечно, в Столице кроме нас работает целая агентурная сеть, но в случае необходимости, только я могу отдать приказ организовать, например, подрыв ключевых точек, вывести народ на пикет, или подогреть людское негодование, чтобы начать беспорядки. Могу, но теперь не буду!

Его голос едва заметно дрогнул.

– Почему?

– Потому что здесь Лиза, – тихо ответил Арт. – Пока она в городе, подобные действия могут принести вред ей и ребенку. А я не хочу, чтобы она волновалась.

– Значит, оружие так и останется лежать без дела? – с сомнением уточнила, хотя подобный исход виделся слабо.

По законам вселенной ружья всегда стреляют, а бомбы взрываются.

– Да. Коды и шифры знаю только я. Даже отец не в курсе, – Франц самодовольно улыбнулся. – Так что, я уверен, он вскоре передумает насчет нашего с тобой отзыва и отменит приказ.

– А если нет? – за шесть лет жизни на военной базе в империи я ни разу не слышала, чтобы Глава разведки Арсамаз отменял свои приказы, поэтому тут же заявила: – Я никуда не поеду без Лизы. Можешь считать это дезертирством, но я остаюсь и буду искать способы помощи ей.

Артур взглянул на меня, а потом неожиданно расхохотался. Громко, так, что его смех отразился эхом от стен.

– Именно так я и ответил отцу, когда он заявил об отзыве. Мы встречались с ним два дня назад в одном прибрежном городке на Юге, и когда он это услышал, приказал запереть меня в каюте корабля, на котором прибыл на материк. Так что мне пришлось бежать. Думаю, завтра утром к тебе бы явился кто-нибудь из связных и донес приказ в доступной для понимания форме. Теперь же, когда отец осознал, что я несколько отбил от рук, он будет стараться взять проведение операции под свой контроль, что же касается нас...

Артур задумчиво пожевал губы и пригубил виски.

– Только не говори, что нас уберут, как ненужных свидетелей, – напряглась я.

– Не говори глупостей, – отмахнулся он. – Нам просто засунут в колеса все палки из числа возможных. Мы ещё не до конца отыгранные карты, чтобы так просто списать нас со счетов.

– Тогда я ничего не понимаю. Зачем твоему отцу все это делать? Он ведь ещё не знает, что я провалилась, вдруг бы мое задание все еще продолжалось?

– Смеёшься? То, что все пошло не по плану стало понятно едва газеты запестрели статьями о твоей свадьбе с Саксом, а вот сегодня... ты, наверное, еще не видела вечерний выпуск новостей, – Арт подтянул к себе чемодан, щёлкнул замками и достал оттуда свернутую газету с неизвестным доселе названием. Он протянул ее мне и я охнула, развернув.

Там красовалось мое фото почти в полный рост и с четко различимым лицом. На снимке кто-то ушлый запечатлел, как я вытаскивала из огромного букета, присланного Саксом, конверт с запиской. По идиотскому стечению обстоятельств мой злой оскал на фотографии выглядел самой эйфорической улыбкой, которую только можно было вообразить у девушки, выходящей замуж.

Заголовок статьи тоже не радовал: “Лилии и рубины. Сколько денег из казны потратит канцлер на подарки для своей невесты?”

В статье рассказывалось о цене на букет, который заказал мне Деймон. И мне стало плохо от количества нулей, которые он отдал за выброшенный мною королевский веник. Ещё хуже стало, когда прочла о стоимости браслета, что так милосердно подарила Кати. Какие-то неимоверные редкие камни, искусной огранки и чистоты слезы в золотой оправе. Выходило, что на руке экономка таскала как минимум стоимость четверти дома, в котором работала.

Нужно будет ей намекнуть, что не стоит одевать его в людные места, а лучше и вовсе сдать в банковскую ячейку.

– Уверен, что завтра твои фотографии будут везде. Растиражированы и обсуждаемы, – вернул меня в реальность Артур. – Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем кто-то из тех, кто знал Флору начнут задавать ненужные вопросы?!

– Черт! – я отбросила газету в сторону. – Артур! Мы не можем уехать! Не сейчас, когда Лиза все еще в Квартале, да ещё и беременная. Представь, каково ей там, продолжать принимать клиентуру, будучи в положении. Сколько ещё она там продержится, прежде чем живот станет заметен?!

– Именно поэтому мы с тобой уедем! Завтра же, но не в Арсамаз!

– И куда же?

– На поиски артефактора, делавшего ошейники. За время, что я отсутствовал, мне удалось выяснить его имя – Ян Коуч. Говорят, он живет где-то на севере.

– Но нам некуда будет возвращаться, – я перевела взгляд на статью. – Нас раскроют, Арт. Слишком много шума подняла эта история, чтобы ее забыли.

– На Юге полно наших людей, и мой отец не идиот. Он прекрасно понимает, что произойдет, если раскроют тебя. Потянется целая цепочка, которая приведет вначале ко мне, потом и к агентурной сети. Так что, думаю, он примет меры, и наши работники с Юга не дадут всплыть лишней информации. Потому то, что мы исчезнем на некоторое время из поля видимости, только пойдет папчке на руку. Век сенсаций не долгов, через месяц никто и не вспомнит, как выглядела Аманда Харрисон, да и про свадьбу в отсутствии новостей все забудут.

Несколько долгих минут я обдумывала слова Арта. Его план походил на побег. От Сакса, от опротивевшего общества, от журналистов, заядлых подруг, и даже от разведки Арсамаза.

Побег ради блага Лизы...

– Значит, мы едем на Север. – констатировала я, мысленно уже складывая необходимые вещи. – Сколько у нас времени на сборы?

Артур покосился на чемодан, стоящий у ног, и ответил:

– Я собран, крошка Ло. А у тебя несколько часов. Постарайся собрать самое необходимое.

Глава 4

/Деймон Сакс/

Просыпаться от писка котят то ещё удовольствие. Притом крайне сомнительное.

Оказавшийся кошкой кот был вообще во всех отношениях неправильным животным. Выделенную Ричардом коробку эта мать-героиня игнорировала, зато мою кровать в качестве гнезда облюбовала со всей тщательностью и настырностью.

Несколько раз то я, то Ричард перекладывали котят обратно в коробку, но через некоторое время животное без имени и родословной вновь перетаскивало их на кровать поближе к моим подушкам. Чем объяснялась столь странная любовь, мне было неизвестно, и все же, почему-то вместо бешенства, разглядывая в очередной раз испачканное лапами постельное белье, я испытывал непонятное умиротворение.

Деймон Сакс – железный канцлер, умиляющийся от вида котят. Что может быть глупее и придурочнее?

Наверное, желание нарвать букет чертополоха, с которым я проснулся сегодня утром.

Мне бы выбросить эту женщину из головы. Тем более, что она этим самым и занималась. Всеми способами показывая, как сильно не желает видеть. А вот я хотел встречи. Пусть самой последней, но мне было жизненно необходимо взглянуть ей в глаза и извиниться, как бы неуместно это не выглядело.

“– Прости за то, что я с тобой сделал?” – самые нелепые слова в этой ситуации, которые абсолютно не помогут делу. Потому что мой поступок не достоин прощения, никогда.

Наверное, именно от этого осознания я и купил ей тот невыносимо огромный букет и самый дорогой браслет, который только нашел в Столице.

И ведь знал же, что не примет, но все равно отправил.

Уже вечером узнал, что цветы оказались на помойке, а вот украшение Аманда оставила. Где-то в сердце этот ее поступок откликнулся разочарованием, которое я тут же в себе задушил.

Рубины наименьшая возможная компенсация за потерянную девственность. Быть может, у Аманды просто слабость к ювелирным изделиям, и тогда она, как девушка, просто не смогла побороть себя и выбросить украшение.

А газеты тем временем продолжали пестреть новостями о свадьбе. Ко мне несколько раз приходили представители ювелирных контор. Но пара грубых намеков и все “подобные” деловые походы прекратились. Зато Аманду продолжали осаждать все кому не лень.

Я все же не выдержал и установил за ее домом слежку. Отчего-то мне хотелось знать, чем она занимается, как продолжает жить дальше, поэтому, когда спустя час после завтрака, Ричард принес в кабинет отчет от наблюдателей, я вцепился в конверт, словно путник в пустыне за флягу с водой.

И новая качель перебросила вектор моих эмоций в обратном направлении, заставив в очередной раз ею восхититься.

Вчера вечером Аманда в компании с экономкой погрузили в машину все полученные сладости из кондитерских и уехали, как удалось выяснить у болтливой кухарки, в сиротский приют на окраине города. Вернулась она далеко за полночь, одновременно с Грегором, который приехал из недельной командировки на Юге страны.

Я отложил отчет в сторону, откинулся на кресло и по привычке поправил очки. Рука ничего не нащупала, а я запоздало вспомнил, что артефакт встречи с буйствующей Амандой не пережил. Стекла до сих пор были в мастерской и, судя по скептическому выражению лица артефактора, восстановлению не подлежали.

В комнату опять постучались.

– Входи, – разрешил я, понимая, что там Ричард.

– Сэр, – он тихо вошел и протянул еще один конверт. – Только что принесли.

Я с сомнением взглянул на послание. Во-первых ничего не ждал, разве что запрос с Юга по поводу Аманды. Нестыковки по-прежнему не давали мне покоя, и я был готов отдать приказ поднять всю бывшую Макению с ног на голову, чтобы перевернуть ее вдоль и поперек, лишь бы узнать, какая тварь так подставила девчонку. Но не мог. Подобные действия могли поднять шум не меньше того, что царил сейчас в газетах.

Но и шифровкой с Юга это быть не могло, такие вещи не носили мне на дом.

Повертев в руках конверт без обратного адреса, я очень аккуратно вскрыл его канцелярским ножом, достал сложенный вдвое лист и вчитался в строки хорошо известного по работе шифра.

“Один из информаторов по интересующему вас вопросу найден накануне встречи мертвым. Официальная причина: самоубийство через повешение. Следов борьбы не обнаружено. Предсмертная записка написана рукой покойного, однако мотивы побудившие к поступку не указаны...”

Возможно произошла утечка информации с раскрытием имен свидетелей. Запрашиваю разрешение на использование дополнительного канала связи в обход официального ведомства. Картер.”

– Какого черта? – я отложил бумагу в сторону, а потом вновь придвинул и перечитал трижды. – Утечка в бюро – возможно, но убийство...

Могла ли Аманда догадаться, кто из бывших дружков золотой молодежи Юга оклеветал ее? Возможно, могла. Но убийство? Что за бред?

Она бы с большей долей вероятности хотела убить за произошедшее меня, чем кого-то, кто не умел держать язык за зубами.

И все же Картер считал, что дело нечисто. Потому что не бывает таких совпадений – убийства накануне встречи. Иначе он не стал бы в нарушение всех правил и норм вначале отправлять послание по дополнительному каналу, и только потом спрашивать разрешение.

Ведь были же и другие свидетели, заявлявшие, что спали с девушкой. Почему бы не допросить их? Так что использование запасного канала Картеру я разрешу, так же как и незамедлительно сообщать мне обо всех странностях, происходящих на Юге, а пока я встал из-за стола, подхватил пиджак и вышел из кабинета.

Наверное, если бы не это донесение, я бы не решился на тот поступок, идея которого созрела в моей голове.

Мне хотелось встретиться и взглянуть в глаза Аманде. Даже если после этого она разобьет мне о голову вазу, которую вчера не разбила об ушедшего представителя типографии.

Но перед тем, как отправиться к ее дому, я выехал за город. Долго бродил по заросшему сорняками полю и собирал самый красивый... Чтоб его! Но очень колючий букет чертополоха. Стебель к стеблю складывал фиолетовые цветы, не жалея исколотых рук и пальцев.

И получал от этого странное удовлетворение, словно мазохист, наказывающий себя за проступок и понимающий, что именно так, а не иначе будет правильно.

С этим букетом я заявился на порог ее дома, долго стоял перед дверью, не решаясь дернуть за колокольчик. Потому что разум настойчиво твердил уехать, иначе я рискую получить всеми собранными колючками по морде.

Когда же собрался с духом и постучал, двери открыла незнакомая девушка с огромными глазами, буквально в пол-лица, и в скромном платье. Наверное, экономка.

При виде меня она замерла на мгновение, явно узнавая. Хотя чего удивляться, сейчас меня разве что собаки в лицо не знали.

– Доброго дня, – поздоровалась она. – Я чем-то могу вам помочь?

– Я к миссис Харрисон. Можно ли ее увидеть?

– Весьма сожалею, – девушка виновато улыбнулась и с особым недоумением уставилась на букет в моих руках. – Госпожа уехала сегодня утром вместе с братом.

– Надолго? – в голове взметнулась радость от того, что могу напроситься в дом и подождать Аманду внутри. Вряд ли экономка сумеет мне отказать и прогнать.

– Не сказали точно, но возможно на месяц. Может дольше... – ее голос казался растерянным, так же как и выражение моего лица в этот момент.

– Месяц?! – неверяще переспросил я, потому что ни в одной мысли не мог допустить, что Аманда из всех возможных поступков предпочтет сбежать из Столицы.

– Мне очень жаль, господин Сакс, – экономка наконец-то осмелилась обратиться ко мне по фамилии. – Могу ли я еще чем-то вам помочь?

– Нет, – рука с букетом опустилась сама собой. – Разве что... Поставьте это в вазу, – протянул служанке букет и тут же отдернул, понимая, что она обколет все пальцы. – Хотя нет, просто принесите вазу, я сам поставлю цветы.

Она кивнула и сделала шаг назад, пропуская в холл. Я бы мог последовать за ней вглубь дома, но не стал. Дождался пока она вернется с перламутровой вазой из фарфора и сам, очень аккуратно, погрузил в нее букет.

– Аманда говорила, что чертополох имеет свойство очень долго храниться, – произнес, когда закончил. – Возможно, букету удастся дожидаться мисс Харрисон.

– Хорошо. Я буду подливать воду, – пообещала экономка, забирая из моих рук вазу.

В этот момент на ее запястье что-то знакомо сверкнуло золотом и красными камнями.

– Откуда это у вас?! – спросил максимально спокойно, узнавая подаренный Аманде браслет.

Девчонка неуютно дернула рукой, проследила за моим взглядом, и если бы не мешавшая ей ваза, готов поклясться, попыталась бы опустить рукава ниже.

– Я не крада, – вспыхнув, ответила она, хотя я ее еще ни в чем не обвинял, но очень хотелось. – Мисс Харрисон сама мне его подарила!

Ее голос прозвучал неожиданно громко, четко и уверенно. Даже дерзко я бы сказал. Не каждая бы осмелилась ответить в таком тоне возможному канцлеру Государства.

– Подарила, значит, – протянул я, с прищуром рассматривая девчонку. Явно старше меня, в меру симпатичная, с глазами, как у кошки. Дикая, возможно такая же дерзкая, как и Аманда, но все равно, не такая трогательная, что ли. И мне бы ответить служанке, припугнуть, поставить на место, но отчего-то я плюнул на это дело. Спуская все на тормозах, лишь уточнив напоследок. – Как вас зовут?

– Катерина Райт, – гордо вздернув нос, ответила она.

– Хорошо, Катерина, – запоминая про себя имя и фамилию. – Раз Аманда сочла вас достойной этой вещи, то носите с удовольствием! Всего доброго!

На этом я откланялся и вышел.

Уже идя по выложенной плитками дорожке, я искал взглядом точку обзора, на которой располагались мои наблюдатели. Почему не доложили вовремя об отъезде Аманды? Чем они вообще занимались, если умудрились прозевать девушку с кучей вещей и чемоданов? Потому что в способность женщин путешествовать налегке с одной сумкой я не верил в принципе.

Сев в олд-ройс и отъехав на приличное расстояние от ее дома, я наконец призадумался. А может, ее отъезд к лучшему?

Уехала, да и черт бы с ней. С глаз долой, из мыслей вон.

В конце концов, у меня впереди голосование совета. Нужно было сосредоточиться на куда более важных вещах, чем на девчонке, занозой сидящей в сердце.

Ты расклеился, Сакс, стал слаб, обнажил свои болевые точки, и теперь жалеешь сам себя. Так что, пускай!

Уехала, значит отпусти!

* * *

Две недели пролетели, как один час. Я полностью ушел в работу, погрузился в нее с головой, и уже не помнил, когда в последний раз спал нормально дома и в постели.

Потому что... да хрен знает почему.

Может, из-за того, что обстановка в Столице, и Государстве в целом, начала обостряться, а может, из-за того, что несмотря на обещание отпустить Аманду, я продолжал ежедневно ждать отчёты с Юга, Севера, Запада и Востока, потому что эта девчонка умудрилась потеряться, испариться и исчезнуть вместе с братом словно в небытие.

Мне же нужно было сосредоточиться на докладах о том, что в портовых городах бывшей Макении несколько раз видели Огюста Франца. Ничего удивительного, что глава Арсамазской разведки решил лично поучаствовать в “подготовке” выборов канцлера. “Союзники”, чтоб им пусто было! И это в преддверии приезда их официальной делегации и мирных переговоров, которые состоятся сразу после избрания на пост нового главы Панемского Государства...

Что ж, это политика, все было предсказуемо и понятно с самого начала.

Официально Арсамаз будет улыбаться и жать руку победителю, а неофициально... У врагов, которые пусть и временно хотят стать союзниками, всегда нож за спиной. Не стоит обольщаться. В любом из случаев, обо мне они думают точно также, как и я о них. Вряд ли слишком лестно.

И заниматься бы мне только этими действительно важными вопросами, но вместо этого я думал о ней.

О том, что Аманду с братом в последний раз видели в тридцати километрах от столицы, на въезде в небольшой городок Оттон, где они переночевали в гостинице, оставили красный кабриолет Аманды на парковке, а после исчезли. Да лучше б она по-прежнему сидела в столице, ненавидела меня и выбрасывала все цветы, присланные свадебными салонами, потому что стоило девушке исчезнуть, и в голову полезли самые отвратительные мысли.

Что если, видя мой интерес к Аманде, ее похитили враги? Тот же Кранмерд вполне мог бы проверить нечто подобное, чтобы занять рычаг давления на меня.

Но самое отвратительное, что я даже не знал, каким будет решение, если окажусь прав в своих предположениях: плясать под чужую дудку или переступить через последнюю совесть и наплевать на судьбу девушки?

Я, черт возьми, не знал. И это сводило меня с ума, потому что обычно я знал все, и предпочитал просчитывать любые варианты заранее. На десять, а лучше на двадцать шагов вперед.

Вдобавок я даже не мог объявить ее в розыск, а очень хотелось разослать по всей стране фотографии и дать соответствующий приказ. Потому что в случае, если она действительно похищена, это вряд ли поможет, а если нет, то мои враги только лишний раз убедятся в том, что девушка мне дорога.

Оставалось надеяться, что Аманда скрывалась целенаправленно.

Газеты только сейчас стали немного умолкать по поводу нашей “помолвки”. Официальная версия исчезновения мисс Харрисон из вида была прозаична – будущая первая леди страны готовилась к свадьбе и проведению тайной церемонии вдали от чужих глаз и прессы. Я же не помогал “невесте” в столь важном деле, потому, что у меня у самого выборы в ближайшие две недели.

Ушлые журналюги даже дату события придумали, аккуратно сразу после официального принятия должности. В прессе никто не сомневался, что пост канцлера достанется мне, а вот у меня были серьезные поводы не доверять членам совета и их обещаниям отдать голос за мою кандидатуру.

В данный момент, по заверениям двадцати пяти человек из сорока, поддержать они собирались именно меня. Но как оно будет на самом деле, станет известно только после обнародования результатов.

Уверен я был только в голосе Анджелы Сильвер. Дамочка никогда в политику активно не лезла, оставаясь где-то посередине между противоборствующими сторонами. Поэтому она проголосует наверняка против всех. За все годы существования обновленного совета из сорока человек именно ее “нейтральное мнение” было тем самым, позволяющим избегать ничьей.

Пока же я часто ловил на себе насмешливый взгляд Кранмерда, липкий и слишком уверенный для человека, которого официально поддерживает меньшинство. А быть может, он просто знал то, о чем не подозревал я.

Несколько раз мне хотелось подойти к нему и спросить, оперируя долгом, проигранным в карты, знает ли он где Аманда Харрисон? У Фредерика не оставалось бы выбора и пришлось ответить правду, но я сдерживал себя в этом порыве, боясь сделать хуже.

И все же я продолжал ломать голову, как девчонка и ее брат умудрились исчезнуть буквально из-под носа у опытных агентов? Конечно, Грегор Харрисон не был идиотом, и если Аманда рассказала ему обо всем, что произошло между нами, то как хороший брат он поступил абсолютно верно, увезя ее из Столицы. У него наверняка нашлись нужные связи, чтобы надежно скрыться. Вот только бросить все столичные дела фирмы было как-то глупо с его стороны. Правда, с Юга уже через несколько дней после отъезда Харрисона приехал один из поверенных его отца и принял руководство делами. Я, конечно, подослал нужных людей с расспросами, но господин Фауст распространяться не пожелал, грамотно увильнув от всех скользких тем, никак не связанных с делами фирмы.

Поэтому вопрос, куда делись Аманда с Грегором, по-прежнему оставался открытым. Конкретно сегодня меня посетила идея написать их отцу Томасу, и представившись женихом его дочери, потребовать всю информацию, которой он располагает о ее местонахождении. Харрисон-старший всегда был рассудительным человеком, и если действительно лелеет надежду выдать Аманду замуж поудачнее, то обязательно расскажет.

В дверь рабочего кабинета постучали, я едва ли не вздрогнул от этого звука, потому что это был не обычный робкий стук, который позволяли себе служащие, а громкий, рваный, не прекращающийся. Излишне навязчивый, так стучат, когда что-то случается.

– Войдите!

В кабинет ворвался старший лейтенант из отдела связи, в его руке длинной лентой развевалась стенограмма, явно только что вырванная из аппарата.

Запыхавшись, он жадно хватал воздух, и было видно, что недавно он несся по этажам сломя голову, чтобы успеть ко мне. Лейтенант пытался приложить руку к голове, соблюдая все воинские правила, но я, видя, что произошло нечто из ряда вон выходящее, поднялся кресла, обошел стол и вырвал из рук вояки бумагу, одновременно спрашивая:

– Что случилось?

– Взрыв... Здание редакции “Панема вестника” уничтожено.

* * *

Первое правило ведения боевых действий – вначале нужно уничтожить узлы связи. Если исчезнет координация между отрядами войск, командиры будут вынуждены принимать решения самостоятельно. А устранить разрозненные скопления врагов – легче, чем собранный воедино и сплоченный организм.

Эту элементарную основу тактики очень часто любил повторять отчим.

Была у него и вторая любимая тема для рассуждений, на которую генерал часто разглагольствовал:

“Не можешь сломить тело врага, сломи его дух! В запале боя солдат не боится отдать жизнь, его ведут толпа, адреналин и желание стать героем. В этот момент он не думает головой и способен на любые поступки. Опасные, невозможные для предугадывания. Поэтому, твоя главная задача заставить врага бояться до того, как он выдернет чеку гранаты. Причем бояться не за себя, а за собственных детей и родных. Чувствовать шаткость почвы под их ногами, зыбкость воздуха и ненадежность порывов ветра. Враг должен быть дезориентирован. Смута в обществе, страх выйти на улицу, чтобы все, чем он дышал, было пропитано опасностью”.

И сейчас, стоя на угасающем пепелище бывшей редакции, я дышал этим самым страхом. Не своим, а людей, собравшихся вокруг меня.

Они смотрели выжидающе, с надеждой и искали в моих действиях что-то, что даст им опору. Мне бы и самому ее найти, потому что она стремительно ускользала из-под ног.

Теракт – первая гирия, качнувшая весы стабильности общества. Значит, будет и вторая.

– Анджела Сильвер, – спросил я у подкопченного клерка, топчущегося чуть позади. – Она была внутри?

Бедняга вздрогнул, не сразу понимая, что обратился я именно к нему.

– Я-я-я не знаю, – прозаикался он. – Я только в-в-вышел на обед.

Жестом остановил его, приказывая не продолжать дальше.

Собственно, огромных жертв только из-за обеденного времени и удалось избежать. Большинство работников были вне здания. Меня же продолжал волновать вопрос – осталась ли внутри владелица газеты.

Кому могла не угодить женщина, чей голос даже на выборах в совете всегда был нейтральным? Впрочем, причин и мотивов для взрыва могло быть несколько. Одного злоумышленники добились точно – новый выпуск главной газеты страны выйдет не скоро. Типография со станками уничтожена, половина редакторского отдела мертва, и ключевой рычаг по управлению общественным мнением потерян на неопределенный срок. Но самое главное, в обществе посеян страх, и все это накануне выборов.

Просто прекрасно.

– Кто-нибудь знает, где была Анджела Сильвер во время взрыва? – крикнул я в толпу собравшихся за моей спиной.

Там, среди людей – полицейских, зевак, было много работников газеты, вернувшихся после обеда.

В ответ только тихий гомон и ничего конкретного.

– Ее сегодня не было, – наконец раздалось из-за спины широкоплечего пожарного. Навстречу шагнула миниатюрная толстушка в юбке с рюшами, белой блузе и шляпкой-клош, в которой утопала вся макушка. – Лия Кравец, секретарь миссис Сильвер, – представилась она. – Госпожа ещё вчера уехала в морской санаторий, поправлять здоровье. В это время года солёный воздух крайне благоприятен при болезнях легких...

У меня внутри что-то отлегло. Значит, спаслась.

Сильвер была дамочкой весьма своеобразной и своенравной, но в то же время – без пафосного налета, свойственного многим потомственным аристократам. С ней всегда можно было договориться, завести конструктивный диалог, но самое главное, Анджела давала толковые советы. Иногда было сложно понять, что руководило это женщиной, когда она выпускала в печать очередную бредовую статью с дешевой сенсацией. Чьи цели преследовала, тоже не ясно. Свои или того, кто больше заплатил за выпуск нужной информации?

Отчим ещё десять лет назад “за глаза” называл ее “шлюхой печатной машинки”. У кого деньги, тому и отдалась. Но и идти против Сильвер генерал не рисковал, предпочитая если не “дружбу”, то нейтралитет.

И все же, за годы своих собственных наблюдений, одно я мог сказать уверенно: зла Анджела не несла. Скорее, даже наоборот...

Я знал, что Сильвер тайно присматривала за всеми “отпущенными” на волю суккубами после аукциона и ночи любви. Бдила за каждой, следила, чтобы владелец-однодневка не преследовал девчонок позже и действительно отпускал на волю... А я бдил за ней. Потому что когда-нибудь одна из “моих” бывших суккубов все же умудрится встретить свою настоящую любовь и забеременеет. Как решит поступить с этой информацией журналистка, предположить я не мог. Но если Анджела решит состряпать обличительную статью, то я вставлю ей все палки в колеса, которые только найду. Если же промолчит, то это станет ещё одним подтверждением, что мы по одну сторону баррикад в этой многоцветной шахматной партии. Где кроме черного и белого десятки оттенков серых фигур.

– Сообщите госпоже Сильвер о случившемся, – отдал приказ одному из прибывших вместе со мной на место взрыва полковников Бюро Безопасности – А также усильте меры безопасности в столице. На каждом углу по полицейскому, и обо всех странностях докладывать лично мне и незамедлительно.

На этом я развернулся и направился к служебному автомобилю. Приказал на всех парах нестись в Бюро, где созвал экстренное совещание совета. Необходимо было срочно обсудить произошедшее, а ещё посмотреть лишний раз в глаза власть имущим. Вполне вероятно, взрыв был делом рук кого-то из них. Быть может, даже сейчас на сцену решит выбраться еще один игрок – третья сторона. Весьма подходящее время для того, чтобы оттянуть у меня два-три голоса на свою сторону. Это позволит Кранмерду вырваться вперед и занять кресло канцлера. Вот только раз игра затеялась грязная, то и мне поздно играть в благородство. Похоже, настало время намекнуть многим проигравшим, что пришел час отдавать долги.

Все три часа пока проходило совещание, Кранмерд не сводил с меня гадкой улыбочки и взгляда. Это был взгляд победителя, который уже предвкушал, в каком порядке развесит будущие трофеи по стенам. И мне это не нравилось.

Не нравилось ровно настолько, что после завершения совета я произнес:

– Председатель Кранмерд, останьтесь. Нам необходимо переговорить.

Его и без того тонкие губы поджались, но ослушаться Фредерик не решился. Все же я пока ещё занимал кресло канцлера, пусть и временно исполняющего.

– И о чем же вы хотели поговорить, уважаемый? – с прищуром спросил он, едва двери за последним членом совета закрылись. Уголок его губ при этом был приподнят в особо издевательской ухмылке. – Наверное, посоветоваться со мной, как с более опытным политиком?

Настал мой черед кривиться, но я сдержался. Сумел сохранить все то же ровное выражение лица, что и раньше. Кранмерд всегда кичился тем, что начинал свой путь еще с отчимом, поэтому быть под моим руководством его бесило в особенности.

– Нет. Ваш совет – последнее, о чем я мог бы попросить.

– Тогда что я здесь делаю?

– Долги, – я обошел стол, за которым сидел “рыжий альбинос”, и разместился на стуле напротив. – Помнится, вы мне задолжали.

Фредерик заметно напрягся. Я ощутил это даже через метры разделявшие нас.

– И на какую сумму вам выписать чек? – попытался он втюхать мне то, что абсолютно не представляло ценности.

– Бросьте. Денег у меня и без ваших достаточно. Мое требование гораздо более прозаичнее. Вы не обеднеете даже на цент.

– И что же? – я видел, как его пальцы сжимаются в кулаки, а костяшки бледнеют.

– Выбирая канцлера, вы отдадите свой голос за меня, Фредерик. И да, не вздумайте глупить. Вы ведь не хуже меня знаете, что так или иначе, но вам придется это сделать. Или... – я выдержал намеренно длинную паузу, давая Кранмерду шанс самому додумать, а после все же договорил: – Иначе, согласно условиям игры, вы станете моим безвольным рабом. И даже если

я проиграю кресло, то с удовольствием поручу вашу страной вашими руками, что несомненно будет даже веселее, и намного забавнее. А вы как считаете, председатель?

Ответа не последовало. Вместо него Кранмерд резко отодвинул стул, поднимаясь, и вылетел из зала совещаний. Дверь за ним с грохотом захлопнулась.

– Шах и, надеюсь, мат, – пробормотал я, вставая следом.

Впереди у меня было ещё четыре подобных разговора.

* * *

Было нечто издевательское в том, что результаты голосования объявлял именно Кранмерд. Как председатель совета, он доставал из урны сложенные листы, зачитывал имя, отмеченное в бюллетене, и раскладывал на две стопки. За свою кандидатуру и за мою. Предположительно должна была быть и третья, с нейтральным выбором Анджелы, но похоже, ее бюллетень все еще находился в урне.

Мы с Кранмердом шли нога в ногу, деля голоса пополам. Стопки росли равномерно, и чем ближе было дело к концу, тем более гадким становился привкус воздуха вокруг.

Гниль...

Потому что обещанным мне перевесом даже и не пахло. Более того, я прекрасно отдавал отчет в том, что заставил пятерых членов совета проголосовать за себя фактически обманом. Пятерых.

Значит, при счете “19–19”, который был сейчас, почти треть получена мною не честно.

В корзине оставалось всего два листа – нейтральный Анджелы и решающий...

Кранмерд протянул руку в урну, доставая первый из них:

– Деймон Сакс... – его голос дрогнул, в моей груди же сердце колотилось так, что я фактически не слышал, как был оглашен последний бюллетень. – Деймон Сакс!

В зале повисло тягостное молчание. Настолько тягостное, что несколько мгновений все слышали, как жужжит случайно залетевшая сюда муха. Почти все взгляды членов совета были устремлены на Анджелу Сильвер, которая сидела у самого края длинного стола, невозмутимо курила, а после стряхнув пепел, произнесла:

– Я никогда не обещала, что всю жизнь буду посередине! – она смачно вдавила недокурную сигарету в пепельницу и рывком поднялась, чтобы выйти.

За тем, как за ней закрылись двери, проследили взглядом все, в том числе я и Кранмерд. Очень злой Кранмерд.

– Поздравляю с избранием, канцлер Сакс, – первым произнес он. – Двадцать один голос в вашу пользу. Явное большинство.

Он особенно сильно выделил последнее слово, явственно давая мне понять, где было бы сейчас мое место – пройди выборы действительно без “нечестной игры” с моей стороны.

Победа со вкусом поражения и предательства. Потому что часть из тех, кто обещал голос мне, выбрали за Кранмерда... Паршиво было уже то, что теперь я даже предположить не мог, кто из них мой враг, а кто друг. Анонимность голосования, чтоб ее!

А значит, мне будут продолжать улыбаться в лицо, продолжая держать нож за спиной. Пожалуй, самыми честными в этой ситуации будут те, кто изначально и открыто поддерживал Фредерика. От них хотя бы будешь знать, чего ожидать.

Весь следующий час меня поздравляли, пожимали руки, хлопали по плечу, желая благ и процветания стране под моим управлением, а главное, мирного неба над головой.

Ну-ну! Здесь половина собравшихся мечтает прогнать под себя остатки северных территорий и забрать месторождения нефти, официально принадлежащие Арсамазу, но так близко географически находящиеся к Панему.

Последней ко мне подошла вернувшаяся в зал Анджела. Признаться, к этому времени я был уверен, что она давно покинула здание Бюро. Но нет, видимо, как и всегда выжидала где-то своего часа, наблюдая со стороны и ожидая удобного момента.

Женщина излишне широко раскинула руки и обняла меня, громко поздравляя с успехом. Такого проявления чувств за ней, как правило, не водилось, и все же прежде чем разомкнуть не по-женски крепкую хватку, она прошептала в самое ухо:

– Надеюсь, я не ошиблась в тебе, мальчик, – от нее пахло крепким табаком и лекарствами, которыми она лечила опухоль легких. Да-да, про ее болезнь я был тоже в курсе. – И ты найдешь тех подонков, которые разрушили труд моей жизни.

Уже дома, перед сном, лежа в собственной постели, я несколько раз прокручивал в голове весь сегодняшний день.

По мне скакали изрядно подросшие котятка. Шесть штук. Они пищали на ухо, но от этих звуков я почти абстрагировался.

Казалось бы, все! Цель почти выполнена, я канцлер, и после инаугурации получу полномочия, о которых можно было только мечтать. Сумею наконец понять и разобраться во всех тайнах, которые скрывал от меня отчим. Возможно, узнаю причины смерти матери. Выясню, где находятся суккубы, которые никогда не теряли способностей, и у которых рождались дети, а главное, кто и зачем их увез из Квартала несколько лет назад? Пройдут годы, и я плавно изменю направление движения колеса, хорошо отлаженной системы, потому что резких поворотов мне не простит общество. Но главное, постараюсь восстановить все то, что разрушил отец, и о чем так всегда жалела мать...

* * *

– Замечательный праздник! Еще раз поздравляю с победой, господин канцлер! – мило щебетала над ухом одна из подружек Сильвии, которая непонятно каким образом умудрилась вообще сюда проникнуть. – Ваша инаугурация просто чудо!

Смерил ее тоскливым взглядом. И чего, спрашивается, добивается? Того, что я шепну кому-нибудь из охраны выставить ее отсюда вон, потому что на официальном политическом мероприятии не место таким вот... Подобрать бы слово поприличнее.

Хотя ничего удивительного, что здесь собрался весь цвет высшего общества. Этим днем в огромный зал Атриум-холла набилось столько народа, что яблоку некуда упасть.

Сегодня был не просто мой первый день вступления в должность, сегодня в страну приехала первая официальная делегация из Арсамазской империи. Первая за последние пятнадцать лет.

Я потратил тьму времени на подготовку всех мер безопасности, чтобы все прошло на высшем уровне, и не дай господь, не случилось что-нибудь наподобие взрыва в “Панемском вестнике”.

Каждый десятый в зале был переодетым оперативником, причем не только со стороны моего управления. Арсамаз также настоял на участии в мероприятии своих людей. Пятнадцать человек прибыли за два дня до основной делегации. Пятнадцать рослых военных мужиков, один вид которых мог навеять ужас и уважение к их военной подготовке.

Все закономерно, на месте Огюста Франца я бы поступил также. Прислал бы лучших из лучших, чтобы на всякий случай продемонстрировать силу и возможности.

Но это только видимая сторона медали, для отвлечения основного внимания. Наверняка, среди самой делегации из сорока человек скрывались куда более опасные и подготовленные люди. Вот, например, как та девушка в боа из перьев и с ярким макияжем. Стоит и томно обмахивается веером, мило улыбается всем мужчинам, которые невольно задерживают взгляд

на ее фигурке. Официально ее зовут Мария де Флер – специалист по добыче полезных ископаемых с несколькими учеными степенями.

А неофициально... мне починили очки со стеклами-определителями оружия, и у нее в спицах веера два лезвия, красиво замаскированных все теми же пушистыми перьями. Наверное, стоило отбирать такие вещички при входе в зал, но зачем нам лишние конфликты, тем более, что я и сам всегда таскал с собой почти оружие. Опять же. На всякий случай.

Я сжал в руках покрепче трость и двинулся вперед, туда где среди толпы мелькнула макушка Сильвии. Ее я не видел ровно столько же, сколько и Аманду, с того самого вечера в доме Тамми. Собирался как бы невзначай поинтересоваться делами девушки и узнать, не получала ли она вестей от подруги, но по пути меня перехватил Эрнест Карлстон – распорядитель Квартала. Будь моя воля, я бы не звал сюда этого человека, но его статус не позволял так просто его проигнорировать. Потому что сегодняшним вечером в этом зале присутствовали фактически все суккубы из Квартала, а он, можно сказать, присматривал.

– Примите мои поздравления, господин Сакс! Я всегда знал, что вы, как и ваш отец, далеко пойдете!

Я лишь сдержанно кивнул этой неприкрытой лести.

– Вы позволите поговорить с вами наедине, по одному весьма деликатному вопросу? – заискивающе начал он.

– Быть может, позже? – разговаривать с ним сейчас не хотелось, а вот через недельку я его обязательно вызову сам. На очень долгую и обстоятельную беседу о том, в курсе ли он, где остальные иллюзорницы.

– Лучше сейчас, – с неким нажимом произнес он. – Это касается вон той леди, – Эрнест указал на высокую женщину, когда-то бывшую брюнеткой, а сейчас с обилием седины в волосах. Она входила в группу делегатов, и ее имени так сходу я вспомнить не мог. – Я настаиваю.

Что ж проще было согласиться. В любом случае, несколько потраченных минут мне не сделают погоды. Мы отошли в тень колонн, где я поторопил Карлстона с рассказом:

– Так что вы хотели сообщить?

– Это Виктория Райт, – полушепотом произнес смотритель Квартала. – Одна из суккубов, сбежавших еще во время войны. Бывшая судья! Я сразу ее узнал, когда увидел. Ее многие узнали в этом зале.

Я выглянул в зал, нашел взглядом женщину, особенно внимательно присмотрелся к чистым ключицам, которые она гордо демонстрировала вместе с бриллиантовым колье.

– Клейма нет, – сухо бросил я. – Вы уверены, что она суккуб?

– Более чем, – уверенно заявил Карлстон. – Ее необходимо арестовать, провести подтверждающий тест, а затем немедленно препроводить в Квартал. Ее место там!

Я в удивлении вскинул бровь.

– Вы сейчас серьезно? – даже переспросил. – Предлагаете схватить члена официальной делегации? У которого дипломатическая неприкосновенность?

Неужели Эрнест действительно думал, что я настолько идиот и брошусь отдавать подобный приказ.

– Но ведь она перебежчица! Предательница Государства!

“Или спасающая свою жизнь женщина, которую немало потрепало тяжелыми испытаниями”, – мысленно продолжил его фразу я тут же добавил вслух.

– В данный момент она гражданка Империи. Боюсь, мы бессильны в этом вопросе, господин Карлстон. Но за сведения спасибо. Я присмотрюсь к госпоже Райт и выясню причины, побудившие ее вернуться на родину.

Я покинул укрытие и вновь вернулся в толпу гостей. Двигаясь среди мужчин и женщин, нет-нет, а временами я бросал взгляды в сторону госпожи Райт. Суккуба? Очень старая, пожалуй, старше я даже и не встречал. Сбежавшая от преследования в другую страну.

А чему тут удивляться? Многие уносили ноги именно в сторону Арсамаза. Думаю, не она первая, и уж тем более не последняя. Любопытно другое. Что даже там эта женщина умудрилась добиться значительных высот в обществе, иначе как объяснить ее присутствие в составе делегации. Случайных людей здесь не было. У каждого свои цели и задачи. В этом я не сомневался.

Значит, были таковые и у госпожи Райт.

Где-то, впрочем, я уже слышал эту фамилию. Несколько минут вспоминал где именно, пока в памяти не всплыл образ большеглазой экономки в доме Аманды. Катерина... Дочь?

Я мысленно сравнил двух женщин и откинул это предположение прочь. Не похожи. Абсолютно. Ни единой общей черты, да и вряд ли, будь Катерина суккубой, смогла бы столько лет продержаться в столице, не раскрыв своей натуры. Все же иллюзорниц искали постоянно. Значит, просто однофамилицы.

В любом случае, к госпоже Райт приглядываться теперь я собирался крайне пристально.

Внезапно, кто-то до боли знакомый привлек мое внимание, мелькнув силуэтом в периферии зрения.

– Аманда? – прошептал я, оборачиваясь в сторону прошедшей мимо блондинки.

Она уже удалялась от меня. Я видел только спину и россыпь волнистых локонов. А ещё запах.

Чертов запах ее духов, оставляющих ароматный шлейф по пути ее следования. Двинулся за ней словно на невидимом поводке, пробивая себе путь сквозь толпу, боясь, что она всего лишь призрак моего воспаленного разума.

Мне казалось, что она вот-вот ускользнет, и я вновь потеряю ее на неизвестный срок. Сейчас я абсолютно не задумывался, как она вообще оказалась в Атриуме. Моей целью было ее догнать.

Девушка юркнула в коридор, ведущий к дамским комнатам, а я ускорил шаг. Настиг ее в полумраке холла, схватил за локоть и развернул так порывисто и быстро, что сам поразился собственной несдержанности.

На меня уставился удивленный взгляд совершенно незнакомых глаз. Не Аманда. Похожая девушка, примерно ее возраста. Но не она.

– Что-то случилось? – спросила она с едва уловимым арсамазским акцентом. А я скользил взглядом по резким чертам ее лица, более угловатой фигуре, и поражался, как вообще мог их перепутать.

– Н-нет, – с трудом выговорил я, сбрасывая с себя наваждение. – Простите, обознался.

– Ничего страшного, – на губах незнакомки возникла лёгкая улыбка – Бывает.

Выпустил ее руку, и девушка последовала своей дорогой, а я продолжил стоять во власти неведомого аромата духов.

– Подождите! – все же не выдержал и окликнул делегатку вслед. – Ваш парфюм. Не подскажите марку?!

Она замерла и покраснела от смущения. Все же мой вопрос был на грани приличий. Не принято мужчине спрашивать о таких вещах.

– Зачем? – кокетливо ответила она вопросом на вопрос.

– Сделать сюрприз своей невесте! – брякнул первое, что пришло в голову.

На ее лице мелькнуло лёгкое разочарование. По-видимому, мое поведение вначале приняли за заигрывание.

– Тогда, боюсь, это у вас так просто не получится, – с возникшей холодностью ответила она. – Это не совсем духи, а летучее масло из плодов таёжного иланга. Растет только в Арсамазской империи, и насколько мне известно, все поставки в эту страну были прекращены ещё в военное время.

Несколько мгновений после этих слов я молча переваривал услышанное.

– Таёжный иланг, значит. Спасибо, – проговорил и коротким кивком поставил точку в нашем случайном разговоре.

Блондинка тоже пожалала плечами, и, развернувшись, ушла вперед по коридору.

Что же выходило? Аманда пользовалась контрабандными духами, что в принципе было доступно при связях и деньгах ее отца. Вот только... интуиция колотила в набат, подсказывая, что все не так просто. Никто не станет тащить контрабандой пару флаконов для одной девчонки через океан. Если же в Панем ввозились гораздо большие партии, уверен, этим запахом пропитался бы весь высший свет. Уж очень притягательный и запоминающийся аромат.

От мыслей отвлек звук сдавленного писка, а после грохот, раздавшийся в одной из неприметных ниш коридора. Подойдя ближе, окинул взглядом закрытые двери в хозяйственную подсобку. Я бы плюнул и последовал дальше по своим делам, мало ли кто там развлекается, если бы не скрежещущий звук с обратной стороны. Такой бывает, когда ногти скребут о деревянную поверхность с такой силой, что ломаются.

Нехорошая догадка кольнула в сердце, заставив меня сделать шаг вперед и прислушаться.

– Всегда было интересно, умеют ли немые кричать? – голос Кранмерда звучал мерзко и гадко. Кажется, председатель совета был пьян. – Кое-кто из претендентов на твою дырочку считает, что нет, а я думаю, что если постараться, ты будешь голосить во всю глотку.

Новый сдавленный писк и скрежет ногтей.

– Тобой интересуется Сакс, вот только этот сучонок слишком зарвался, и на этот раз ему не позволят выкупить самую сладкую квартальную сучку... Мы тут поговорили с коллегами, – протестующее мычание и звуки борьбы. – Скинемся, а потом пустим тебя по кругу... сколько бы денег он не приготовил, у нас шестерых их будет больше. Уверен, ты научишься визжать в эту ночь.

Дальше слушать эти гадости я не собирался, дёрнул ручку, рывком распахивая дверь. На меня буквально вывалились Лизабет Фокс и Кранмерд, прижимавший ее к двери. Лиф девчонки был содран книзу, грудь обнажена. Без раздумий я скинул с себя пиджак и набросил на нее. Вторым движением всадил кулак в челюсть Кранмерда.

Тот пошатнулся, отступил на шаг назад и рухнул на стопку из железных ведер в углу подсобки.

– Ещё раз увижу рядом с этой суккубой, скидываться будешь себе на лечение! – прорычал сквозь зубы, сжимая в руках трость и борясь с желанием проломить рукояткой Кранмерду череп.

Сам не знаю, что на меня нашло, но при виде бледно-зеленой до смерти иллюзорницы, мне захотелось, вопреки здравому смыслу и природной сдержанности, убить Фредерика. Я объективно понимал, что не чувствую к этой девчонке ничего кроме человеческого сочувствия и благодарности ее родителям, но... Сука! Простить то, что ей наговорил подонок, просто так я тоже не мог!

Огромных сил стоило не продолжить мордобой дальше.

– Ты в порядке? – я заставил себя развернуться от Кранмерда и подойти к девушке.

Лизабет стояла у соседней стены, опираясь одной рукой на ее холодную поверхность, а второй зажимала рот, явно борясь с приступом тошноты. Она только и смогла мотнуть головой, показывая: “нет, не в порядке”. В уголках ее глаз собрались слезы, а по щекам бежала дорожка размазанной туши.

Я подхватил ее под руку и потащил в сторону туалетных комнат. Там запихнув в дамскую, без стеснения прошел следом.

– Пошли вон! – рявкнул на двух девушек, вертевшихся у зеркала. Их лица вытянулись от удивления, но после явного узнавания моей персоны, они попятились к выходу. Я же добавил вслед. – Расскажите кому-нибудь о том, что видели, пеняйте на себя.

Быстро кивнув, они исчезли за дверью. Я же поволок Лизу к раковине и включил воду. А потом, отвернувшись, изучал противоположную стену, пол и потолок, пока девчонку тошнило. Туалетные кабины, к счастью, все были свободны и раскрыты, так что свидетелей этого конфуза кроме тех двоих не нашлось..

– С-спасиб-бо! – пробормотала Лиза, умываясь спустя несколько минут. – Но он бы все р-р-равно с-сейчас ничего не с-с-сделал. Он мой наним-матель на сегодня, контракт бы ему не п-п-позволил многого.

– Он уже делал, – я покосился на приведенный в порядок лиф ее платья.

– Л-лапал и з-запугивал, говорил гадости, – она опять побледнела и вновь закашлялась в приступе рвоты.

Меня это беспокоило.

– Что с тобой? – подошёл ближе и провел ладонью над казавшейся очень хрупкой спиной, сканируя состояние организма.

Одновременно жалел, что целитель из меня так себе. Силы были, а практики и умений едва хватало на элементарную диагностику и простейшие манипуляции. Но даже они отнимали множество сил.

– П-п-просто испугалась. Стресс, – отозвалась Лиза. – Сейчас пройдет.

Возможно и стресс. По крайней мере моих знаний в медицине и анатомии хватило понять, что пищевого отравления у нее точно нет.

– Вам не стоило вмешиваться. Теперь пойдут слухи, – промокнув лицо полотенцем, произнесла она. – И тем более бить его. Он опасный человек, – Произнесла и тут же зашипела от боли, причиненной накалившимся ошейником – Проклятая железка, я ведь не сказала ничего т-такого!

– Вокруг меня и так полно слухов. Одним больше, одним меньше, – подошёл к девушке и заставил задрать подбородок вверх, осторожно осмотрел золотое “украшение”. Под ним теперь алела полоска ожога. Пришлось крайне аккуратно просунуть под него пальцы, чтобы по неосторожности не вызвать очередного недовольства у артефакта. – Я уберу ожог, а потом поговорю с распорядителем Квартала о случившемся. Некоторые клиенты позволяют себе слишком многое. По всей видимости, в стандартный контракт необходимо включить новые пункты... – я осекся и умолк. Вряд ли Лиза, как суккуба, способна оценить мое предложение, посему добавил. – Ради вашей же безопасности. Ты должна это понимать.

Она промолчала, лишь смиренно замерла и позволила моим пальцам скользить под кромкой ошейника.

С ожогом я справился довольно быстро. Разве что в месте, где ошейник смыкался в кольцо, под крошечной замочной скважиной для специального ключика, пришлось повозиться особенно долго. Там концентрация магии была самой сильной, от этого и ожог глубже, до набухших волдырей.

– Все, – закончил я. – Нам пора в зал.

Она кивнула, ещё раз поправила платье, вернула мне пиджак и улыбнулась себе в зеркало, будто убеждая собственное отражение, что все в порядке.

Уже на выходе из уборной я заговорил вновь:

– И не воспринимай угрозы Кранмерда всерьез. Теперь, когда я знаю о его планах, ему придется хорошенько постараться, чтобы вообще попасть в Квартал на следующий аукцион. В этом вопросе я смогу обеспечить ему некоторые проблемы. Это не так сложно, особенно находясь в кресле канцлера и обладая всеми полномочиями.

На лице Лизы возникла кривая улыбка, а грустные глаза стали еще более грустными.

– Лучше вообще закройте К-к-квартал, сделайте его д-добровольным, – пробормотала она и шагнула в коридор, вновь превращаясь в немую Лизу.

Отвечать вслух я ей не стал. Разве что мысленно согласился.

Это место принесло слишком много горя и боли, чтобы продолжать существование на карте города, но и резко менять сложившийся уклад я не мог. Слишком долго шел к посту канцлера, чтобы испортить все одним резким и неуместным приказом. Общество должно хотеть перемен, чтобы безболезненно их воспринять... особенно таких глобальных, как уничтожение Квартала.

* * *

Весь следующий день я занимался тем, что изучал текст договора по совместной разработке нефтяных месторождений с Арсамазской империей. Документ уже несколько раз просматривали специалисты, но с финальным вариантом я все равно предпочитал ознакомиться сам.

Параллельно с этим читал досье Виктории Райт, которое нашли в архивах Бюро, и в очередной раз проклинал политику приемного отца. Из-за его немыслимой и дурацкой травли суккубов Панем потерял тьму незаменимых специалистов. Даже без досье Райт под рукой, я мог бы назвать еще несколько фамилий навскидку – Торани Фелз и ее муж Аластар. Инженеры и изобретатели. И если Райт перешла на другую сторону баррикад, то чета Фоксов погибла во время войны. По крайней мере официально...

Виктория же вошла в делегацию, как специалист по вопросам составления магических договоров, что логично, при ее прошлой специальности судьи. Уж кто-кто, а она сумеет найти второе дно даже у неверно поставленной запятой.

Но гораздо более интересным оказался пункт о родственниках старой иллюзорницы.

Там значилась дочь по имени Катерина. Приемная.

Даты рождения и усыновления косвенно указывали на то, что экономка в доме Аманды и приемная девочка Виктории примерно одного возраста, а значит, могут оказаться одним и тем же лицом. Но убедиться и проверить никогда не бывает лишним. Тем более, что рядом с именем Катерины стояла пометка с цифровым кодом уже ее досье.

И я был немало удивлен, когда запросив эти данные, через какое-то время получил ответ, что они изъяты из архива еще моим отцом и обратно возвращены не были.

– Весьма любопытно, – пробормотал, потому что совершенно не представлял, зачем генералу понадобились сведения о Катерине Райт. Насколько я понимал, девчонка суккубой не была, дара соответственно не имела. Так с чего подобный интерес?

За ответом на эти вопросы пришлось лично спуститься в архив и запрашивать сведения, начиная с даты изъятия личного дела Катерины Райт и заканчивая информацией, какие еще документы брал отчим и “забыл” вернуть.

Выяснилось немного, например, что дело на Катерину было заведено еще в годы войны. Сроки примерно совпадали со временем, когда из страны исчезла Виктория. Чудом нашелся даже протокол допроса тринадцатилетней девочки. Его почему-то не вложили в основную папку. Пока читал, несколько раз ловил себя на мысли, что хочу убить того, кто опрашивал ребенка. Этому офицеру повезло, что в протоколе не было его фамилии. Потому что уж слишком на бумаге все выходило складно. Я же, будучи не понаслышке знакомым с методами, которые применялись для развязывания языков, даже представлять не хотел, что могла пережить девчонка, пока из нее вытягивали по слову. В лучшем случае били...

В ходе “беседы” Кати Райт так и не рассказала, где ее мать. Утверждая, что та погибла, оставив ее одну-одинешеньку. Зато поведала про некий морской порт, через который ее хотели вывезти в другую страну старые знакомые матери, но как это часто бывало в то время, городок подвергся авианалету. Девчонка выжила чудом, не успев взойти на корабль...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.